

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Сборник научных трудов

Москва • 2018

УДК 343.953+343.13

ББК 88.4+67.410.2

П86

Под редакцией О.Д. Ситковской, заведующего отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктора психологических наук.

Рецензенты:

Н.В. Володина, профессор кафедры философии, социально-гуманитарных дисциплин и физического воспитания Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, доктор юридических наук;

Е.В. Быкова, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Психологические особенности участников уголовного процесса:
П86 сб. науч. тр. / под ред. О.Д. Ситковской; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018. – 112 с.

Сборник подготовлен на основе материалов круглого стола «Психологические особенности участников уголовного процесса», который проводился в ноябре 2017 г. в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В него включены статьи, отражающие возможности, направления и тенденции развития научных исследований по использованию психологических знаний в уголовном процессе.

Для работников прокуратуры и других правоохранительных органов, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующихся в юридической психологии и уголовном судопроизводстве.

УДК 343.953+343.13

ББК 88.4+67.410.2

© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2018

А.Ю. Винокуров,
директор НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор

Вступительное слово

От имени Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ее руководства разрешите поприветствовать всех участников и гостей, пожелать интересной и плодотворной работы¹.

Заявленная тема круглого стола «Психология участников уголовного процесса» обусловлена тем, что в настоящее время психологические познания широко востребованы в правоприменительной деятельности. Потребность обращения к психологии, ее методам и достижениям возникает во всех социальных сферах, поскольку любая практическая деятельность реализуется конкретными людьми. Насколько эффективной будет их работа, во многом зависит от их психологических особенностей, эмоционального состояния, умения устанавливать конструктивное деловое взаимодействие. Это в полной мере относится к осуществлению своих профессиональных обязанностей дознавателями и следователями, прокурорами, судьями, адвокатами.

Множество вопросов психологического содержания возникает в ходе доследственных проверок, расследования и судебного разбирательства уголовных дел. При осуществлении уголовного преследования нередко возникают вопросы, решение которых требует использования психологических знаний в форме судебной экспертизы или консультации специалиста-психолога.

Правосудие выступает как сфера общения между людьми, его отправление связано с целым рядом социально-психологических явлений. С позиции психологии уголовный процесс на всех его стадиях является особой формой социально-

¹ Приказом Генерального прокурора РФ от 06.03.2018 № 123 (в ред. от 16.03.2018 № 146) Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации переименована в Университет прокуратуры Российской Федерации.

ролевого взаимодействия, осуществляющегося по правилам, регламентированным нормами процессуального закона.

При этом профессиональные и непрофессиональные участники процесса (за исключением судьи) занимают различные, порой противоположные позиции, ставят перед собой несовпадающие цели. Это один из вариантов конфликтного социального взаимодействия, при котором участники стремятся максимально затруднить или заблокировать достижение целей противоположной стороны путем создания всевозможных помех, противодействия усилиям оппонента.

Психологическое изучение личности и деятельности участников уголовного процесса дает возможность выявлять причины конфликтных ситуаций, возникающих в процессе расследования и судебного разбирательства, и выбирать пути их преодоления, а также помогает решить ряд вопросов, касающихся правильной квалификации преступлений, индивидуализации ответственности и наказания, выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и т.д.

Круглый стол, за которым мы с вами сегодня собрались, проводится отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности. Это старейшее в России подразделение данного профиля, ему в 2018 г. исполняется 50 лет. Отмечу, что ряд направлений юридической психологии зародился и получил свое развитие именно в этом отделе. Работа и научные труды ученых отдела хорошо известны в профессиональном психологическом сообществе и юристам-практикам.

В НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации на протяжении многих лет проводятся исследования психологии различных участников уголовного процесса (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, следователя, прокурора). На их основе разрабатываются методические пособия и рекомендации по психологическому обеспечению различных направлений деятельности прокурора. Востребованными в практической деятельности правоохранительных органов и органов прокуратуры являются подготовленные в стенах НИИ Академии монографии, пособия. К примеру, учебник «Юридическая психология», курс лекций по криминальной психологии, монография «Теоретические основы использования психологических знаний в прокурор-

ской деятельности» и др. В настоящее время отделом разрабатывается фундаментальная тема «Психология участников уголовного процесса», в рамках которой проводится наш круглый стол. В 2018 г. запланирован выход одноименной монографии.

Время ставит актуальные задачи, требуются новые психолого-правовые исследования, научно обоснованные рекомендации практикам. Соответственно, назрела потребность активного научного обсуждения злободневных проблем юридической психологии. Некоторые из них мы предполагаем рассмотреть в ходе сегодняшнего обсуждения.

В силу ведомственного характера нашего круглого стола, организуемого Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации, наиболее широко представлены выступления, посвященные тем или иным аспектам деятельности прокурора на различных стадиях уголовного процесса и личности прокурора. Наряду с этим будут обсуждаться особенности деятельности иных профессиональных и непрофессиональных участников уголовного процесса – коллегии присяжных заседателей, адвоката, обвиняемого, потерпевшего, судебного эксперта.

Мы рады видеть в зале и наших уважаемых гостей – юридических психологов, работающих в Министерстве юстиции Российской Федерации, образовательных организациях, а также юристов, заинтересованных в психологических знаниях – наших коллег из Академии, из Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Я благодарю наших уважаемых гостей за проявленный интерес к обсуждаемой проблеме. Надеюсь, что с вашей помощью обсуждение в рамках круглого стола будет особенно плодотворным.

М.С. Андрианов,
ведущий научный сотрудник
НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат психологических наук

Психологические аспекты взаимодействия потерпевшего с участниками уголовного процесса

Существует ряд важных психологических вопросов о взаимодействии потерпевшего с основными участниками уголовного процесса – судьи и представителей состава суда, представителей стороны обвинения (следователь, прокурор) и стороны защиты (адвокат), и они весьма актуальны. Однако в научно-практической, методической и учебной литературе, посвященной соответствующему разделу юридической психологии, этому аспекту уделяется крайне мало внимания.

Можно сказать, что качественное, научно обоснованное освещение в литературе поведения потерпевшего непосредственно в процессе судебного разбирательства по уголовным делам не достаточно полное. А специальные исследования по психологии взаимодействия с данной, подчеркнем, важнейшей процессуальной фигурой практически отсутствуют. Очевидно, есть насущная потребность восполнить существующий пробел.

Значительная часть широко доступных знаний по психологии потерпевшего¹ посвящена, во-первых, изучению психологических аспектов взаимодействия с ним на стадии расследования преступления для выяснения обстоятельств уголовного дела и установления истины, поскольку его показания являются главным, а иногда и единственным источником информации; во-вторых, описанию его виктимологических особенностей как жертвы преступления и исследованию его поведения как причинно связанного с преступлением. Кроме того, современная психология потерпевшего, что вполне естественно, в основном

¹ См., напр.: *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М.: Норма, 2011. С. 320–346; *Волков В.Н.* Юридическая психология. М.: Юнити-Дана, 2002. С. 147–156; *Васильев В.Л.* Юридическая психология. СПб.: Питер, 2005. С. 395–421; и др.

сконцентрирована на изложении специфики и закономерностей его эмоциональных переживаний в результате произошедшего¹, часто имеющих характер психотравмы, длящихся во времени и неизбежно влияющих на его поведение, в том числе в процессе судебного разбирательства. Указанные три аспекта составляют суть психологии потерпевшего и обуславливают стратегию и тактику взаимодействия с ним других процессуальных фигур. Соответственно, это самое важное в восприятии, понимании и изучении личности и поведения потерпевшего.

Однако нельзя не отметить, что с момента совершения преступления и до начала судебных слушаний по существу вопроса проходит довольно много времени. И как бы тяжела и болезненна ни была психотравма, нанесенная потерпевшему преступными действиями (известно, в некоторых случаях след от нее остается на всю жизнь), тем не менее многие люди, ставшие жертвой тех или иных преступлений, либо самостоятельно, либо с помощью близких или даже специалиста-психотерапевта обретают навыки различных вариантов так называемого поведения, совладающего с негативными, разрушающими психику переживаниями (в научной психологической литературе это определяется как копинг-стратегии²). Поэтому во многих случаях их эмоциональное состояние непосредственно в ходе судебных слушаний заметно, можно сказать, даже качественно отличается от эмоционального фона в момент сразу после совершенного преступного деяния и в начальной стадии расследования. К тому же некоторые следственные действия (допрос, опознание и т.п.) сами по себе также могут быть довольно травмирующими для жертвы преступления. Можно утверждать, что на практике нередки случаи, когда судебное разбирательство приносит заметное облегчение психологическому состоянию потерпевшего: публичный рассказ о произошедшем часто приобретает психотерапевтирующий характер, особенно при последующем удовлетворении от хода и результата судебного процесса и справедливого наказания виновника его страданий.

¹ Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психология потерпевшего // Юридическая психология: учебник / под ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 343–357.

² См.: Lazarus, R.S. *Emotion and Adaptation*. New York: Oxford University Press, 1994.

Но каков в конечном итоге эффект (позитивный или негативный, усугубляющий психотравму) состояния и самоощущений потерпевшего по окончании суда, безусловно, будет зависеть от самого хода разбирательства и, главное, от того, как грамотно, профессионально и корректно с ним будут взаимодействовать другие участники процесса. Например, очевидно, что различные формы психологического давления на потерпевшего со стороны представителей защиты, равно как и игнорирование его той или иной активности в доказывании по делу (запрос информации, попытки различных ходатайств и обжалования действий/бездействий участников разбирательства и т.п.), негативно влияют на его состояние и удовлетворенность от хода судебных слушаний.

Конечно, взаимодействие между участниками судопроизводства строго регламентировано и должно оставаться в рамках принятой процессуальной формы правового регулирования. А соблюдение норм этики и морали, что особенно важно при взаимодействии с потерпевшим, кроме того, закреплено в специальных кодексах профессиональной этики для судей, прокуроров и адвокатов¹. Будучи регуляторами деятельности, эти нормы оказывают существенное воздействие на профессиональное поведение в уголовном судопроизводстве, а их нарушение может стать основанием для дисциплинарной ответственности.

Хотя отношения участвующих в судебном разбирательстве по уголовным делам происходят в соответствии с процессуально-правовыми нормами, но при этом неизбежно проявляются различные психологические феномены, учет которых необходим для повышения эффективности правосудия. Само понятие потерпевшего как лица, которому причинен физический, имущественный и моральный вред, фактически представляет его в сознании многих исключительно в качестве «жертвы преступления», при этом часто (и, как правило, автоматически) актуализируются вопросы и суждения людей о его виктимности. Более того, в некоторых случаях другие участники уголовного процесса приходят к выводу (иногда вполне обоснованному), что именно легкомысленное,

¹ См.: Кодекс судейской этики, утвержденный съездом судей в 2012 г.; Кодекс этики прокурорского работника, утвержденный приказом Генерального прокурора РФ от 17.03.2010 № 114; Кодекс профессиональной этики адвоката, утвержденный съездом адвокатов в 2003 г.

необдуманное поведение потерпевшего или даже его «провоцирующие» действия в той или иной мере повлияли на факт совершения преступления. Таким образом, формируется вполне определенное социальное представление о потерпевшем¹, выступающее в виде психологической установки и имеющее довольно широкое распространение не только в массовом сознании или общественном мнении по поводу конкретного преступления, но и в сознании основных участников уголовного разбирательства (судьи, следователя, прокурора, присяжных заседателей и др.), что, на наш взгляд, создает предубеждение к нему и значительно затрудняет взаимодействие с потерпевшим в ходе процесса.

Между тем современное понимание назначения уголовного судопроизводства в России существенно изменило его приоритеты: сейчас это не только инструмент борьбы с преступностью, а в первую очередь инструмент в защите прав человека, поскольку в Конституции Российской Федерации подчеркивается, что именно права и свободы человека являются высшей ценностью, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием². В этом свете изменяется и социально-правовая позиция потерпевшего в качестве участника уголовного процесса – теперь он не просто жертва тех или иных преступных действий или обстоятельств, приведших к таковым, а человек, который законным образом отстаивает свои нарушенные права и таким образом препятствует преступной деятельности, защищая не только личные интересы, но и интересы общества. Этим, в частности, он противопоставляется тем жертвам латентных преступлений, которые по разным причинам не отстаивают свои права в суде.

Именно такой поход к личности потерпевшего позволяет избежать предубеждений – установок о его «изначальной или исключительной виктимности», равно как и о человеке, эмоционально неустойчивом, как пережившем психотравму и к тому же не имеющем, как правило, профессиональных правовых знаний, т.е. не способном разбираться в отдельных судебно-

¹ См., напр.: Гулевич О.А. Зависимость вердикта от особенностей потерпевшего // Психологические аспекты юриспруденции: учеб. пособие. М.: НОУ ВПО Моск. псих.-соц. ин-т, 2009. С. 331–333.

² См.: Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Проспект, 2016. С. 16.

процессуальных нюансах, и, следовательно, отношения к нему только как к жертве – в первую очередь у основных участников уголовного процесса, что может способствовать изменению (оптимизации) форм взаимодействия между ними.

В качестве иллюстрации сказанного, например, можно отметить наличие в настоящее время проблем с обеспечением прав потерпевшего при рассмотрении судами дел в особом порядке, регламентированном гл. 40 УПК РФ¹. Об этом много говорят юристы-практики. В данном случае сошлемся на профессиональное мнение И.В. Широкова, помощника Воскресенского городского прокурора Московской области, высказанное на страницах «Вестника Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации». Он полагает, что нередки случаи, когда на стадии предварительного расследования ходатайство обвиняемого об упрощенной судебной процедуре рассматривается с уведомлением потерпевшего, но без учета его интересов на данном этапе, а, кроме того, суды иногда довольно формально подходят к выполнению требований законодательства – не проверяют сведения о наличии согласия потерпевшего на рассмотрение дела в особом порядке, и приводит конкретные факты. В частности, если пострадавшая сторона невнимательно ознакомилась с материалами дела либо по каким-либо причинам отказалась от ознакомления, то после ходатайства обвиняемого следователь сообщает потерпевшему об этом и разъясняет ему право предоставить свои возражения, которым он может воспользоваться лишь после поступления дела в суд. А возражения потерпевшего на стадии расследования не учитываются, поскольку следователь не заинтересован в нарушении сроков предварительного расследования².

¹ Правоведы признают, что особый порядок прочно обосновался в современной российской судебной практике. Большинство уголовных дел – примерно около двух третей – рассматриваются с использованием такой процедуры: в 2015 г. судами в особом порядке рассмотрено 62,8% дел, а в 2014 г. – 64,2%. См.: *Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2015 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 84.*

² См.: *Широков И.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2017. № 4 (60). С. 127–131.*

Кроме того, как видно из результатов специального исследования – опроса прокуроров, проведенного сотрудниками Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, некоторые опрошенные признавали, что деятельность государственного обвинителя при особом порядке судебного разбирательства часто носит формальный характер и участие прокурора в рассмотрении таких дел не всегда гарантирует постановление законного и обоснованного решения¹.

В силу специфики соглашения о сотрудничестве со следствием, а также значимости публичных целей, в интересах которых такое соглашение и заключается, согласие потерпевшего на заключение соглашения, равно как и на рассмотрение дела в особом порядке судом, не требуется. Вместе с тем, как подчеркивают авторы проведенного исследования, право потерпевшего на доступ к правосудию означает возможность не просто присутствовать при осуществлении судебных процедур, но и заявлять и отстаивать свою позицию, защищать собственные права и интересы, при этом необходимой гарантией справедливого разбирательства дела является предоставленная сторонам реальная возможность довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела². И, безусловно, недопустимо согласие государственного обвинителя на рассмотрение дела в особом порядке при наличии обстоятельств, свидетельствующих о невозможности вынесения без исследования доказательств законного, обоснованного и справедливого решения.

Таким образом, ни в коей мере не ставя под сомнение целесообразность особого порядка судебного разбирательства, направленного на ускорение и упрощение процесса при сохранении фундаментальных начал уголовного судопроизводства, отметим, что, на наш взгляд, обозначенные проблемы свидетельствуют о наличии установки-предубеждения к потерпевшему у основных (профессиональных) участников уголовного процесса. Собственно, их возникновение во многом и является следствием действия именно такой установки.

¹ См.: Буланова Н.В., Решетова Н.Ю., Комогорцева К.А. Разбирательство судом уголовных дел в особом порядке: проблемы правоприменения: науч. докл. / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. С. 46.

² Там же. С. 34.

В некоторых случаях рассмотрение дела в особом порядке без исследования доказательств, собранных в ходе предварительного следствия, а также представленных на стадии судебного разбирательства, может существенно ограничить права пострадавшей стороны. Постановление приговора – обоснованно назначенное наказание обвиняемому – может не повлечь у потерпевшего чувства удовлетворенности судебным процессом и его убежденности в восстановлении социальной справедливости, а в итоге вызовет недоверие к правосудию в целом. В то время как воплощение законного интереса потерпевшего – его стремление пользоваться определенным социальным благом, которое гарантируется государством, – на практике означает его активное участие без каких-либо ограничений в правоотношениях посредством законных и обоснованных способов и методов достижения своих целей¹.

Т.А. Бондаренко,
судебный эксперт-психолог
АНО Консультационный
центр «Поверенный»,
кандидат психологических наук,
доцент

Психологические особенности потерпевших от сексуального насилия

Потерпевшие от сексуального насилия, в отличие от пострадавших в других преступлениях, как правило, боятся огласки данного факта. Кроме того, жертва насилия испытывает стресс, что отражается на гормональном балансе, работе сердечно-сосудистой, пищеварительной и других систем. В результате потерпевшие, испытывая депрессию, апатию, чувство вины, могут умышленно исказить события преступления, скрывая психо-

¹ См.: Камчатов К.В., Дошцын А.Н., Янчуркин О.В. Деятельность прокурора по обеспечению прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений: пособие / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014. С. 5.

травмирующие детали. В качестве исключения можно назвать женщин, занимающихся проституцией. Как отмечает А.А. Семерикова, «73% опрошенных лиц, занимающихся проституцией, подвергались сексуальному насилию со стороны клиентов или представителей органов полиции и криминальных структур, при этом 69% неоднократно. 94% лиц в момент включения себя в данную криминальную деятельность подсознательно приняли возможность совершения в отношении них сексуального насильственного контакта, поэтому, в отличие от иных жертв сексуального насилия, практически не испытывают посттравматических расстройств, присущих последним, считая сексуальное и физическое насилие недостатком данной профессии»¹.

Психологические последствия сексуального насилия оказываются более тяжелыми для психики несовершеннолетних потерпевших. Возрастная характеристика основной группы детей в зависимости от вида сексуального насилия следующая: «внесемейным сексуальным домогательствам чаще подвергаются дети в возрасте 11–18 лет (85%). Жертвами внутрисемейного сексуального насилия чаще бывают дети в возрасте 3–10 лет (67%). Анализ пострадавших от сексуального насилия детей основной группы по полу и возрасту показал, что среди девочек чаще подвергаются насилию вне семьи 11–18-летние (83%), а среди мальчиков – 15–18-летние (67%); в то время как при внутрисемейном сексуальном насилии среди девочек доминировала средняя возрастная группа – 7–10-летние (40%), а среди мальчиков – младшая возрастная группа (3–6-летние – 55,5%)»².

Как показали результаты научного исследования, психологические последствия сексуального насилия у данной категории потерпевших «включают в себя личностные и психоэмоциональные характеристики, прежде всего: агрессию и зависимость, навязчивое воспроизведение, немедленное реагирование и возросшее возбуждение... Более тяжелые последствия возникают при увеличении возраста ребенка (в группе детей 9–11 лет по сравнению с детьми от 6 до 8 лет); давности травматического со-

¹ Семерикова А.А. Проституция и сексуальное насилие. Криминологический и виктимологический аспект // Юрид. исслед. 2017. № 9. С. 33.

² Воронова И.Ю. Медико-психологические последствия сексуального насилия у детей и его профилактика: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2004. С. 11.

бытия (от года до 18 месяцев по сравнению с давностью менее года); при сочетании физического и сексуального насилия (по сравнению с только сексуальным)»¹. У подростков, перенесших сексуальное насилие, в отличие от их сверстников выявлено специфическое проявление таких личностных особенностей, как социально-психологическая адаптация по шкалам: у девочек – «дезадаптивность», «эмоциональный дискомфорт», «ведомость», «неприятие себя», «неприятие других»; у мальчиков – «приятие себя»; у девочек – «чувство вины», «подозрительность», «негативизм», «вербальная агрессия»; у мальчиков – «чувство вины», «подозрительность», «обида», «негативизм»².

При incestных отношениях с несовершеннолетними последствия заключаются в следующем: «кровосмешение обычно воспринимается детьми эмоционально, как предательство, наносящее большой душевный ущерб, порождающий низкие уровни в установке социальных связей, депрессию, булимию, тревожность, низкое самоуважение, неуверенность»³.

Более того, сотрудники следствия могут столкнуться с негативной установкой в свой адрес, которая вызвана тем фактом, что «изнасилование как травмирующее событие, источником которого является злая воля другого человека, ухудшает отношение жертвы к людям»⁴.

Вышеперечисленные факторы необходимо учитывать при расследовании уголовных дел, связанных с установлением факта изнасилования, тактики допроса потерпевших и психологическом анализе показаний. Поскольку наибольшую сложность в проведении следственных действий представляет такая группа потерпевших, как малолетние и несовершеннолетние, а закон не предусматривает минимальный возраст, с которого можно допрашивать несовершеннолетнего потерпевшего, целесообразно по таким делам использование психологических знаний в форме судебно-психологической экспертизы.

¹ *Гамиля Мухамед Насер Ахмед*. Психологические последствия сексуального насилия у йеменских детей 6–11 лет: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2010. С. 7.

² *Стреленко А.А.* Социально-перцептивные образы подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. С. 24.

³ *Сидоров П.И., Дерягин Г.Б.* Сексуальное поведение и насилие: монография. М.: МЕД-пресс-информ, 2007. С. 65.

⁴ *Кравцова О.А.* Сексуальное насилие как психологическая травма: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2000. С. 6.

С.В. Борисов,
ведущий научный сотрудник
НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам экстремистской направленности

В организации противодействия экстремизму важное значение придается эффективной деятельности органов прокуратуры по уголовному преследованию совершивших эти преступления лиц, по обеспечению неотвратимости уголовной ответственности виновных¹. Деятельность прокурора по поддержанию обвинения по уголовному делу о преступлении экстремистской направленности так же, как и при его участии в рассмотрении судом любого уголовного дела, состоит из нескольких этапов: подготовки к участию в судебном разбирательстве; определения предварительной позиции по уголовному делу; участия в предварительном слушании (если оно проводится); участия в подготовительной части судебного заседания и судебном следствии; выступления с обвинительной речью или с заявлением об отказе от обвинения; решения вопроса об обжаловании итогового судебного решения и подготовки апелляционного представления².

Подготовка к поддержанию государственного обвинения помимо изучения материалов уголовного дела, составления в дополнение к надзорному производству выписок и копий процессуальных документов, безусловно, предусматривает и изучение нормативных правовых актов, решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики, методической литературы. В частности, государственный обвинитель вряд ли сможет профессионально

¹ См.: приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

² См.: *Деятельность органов прокуратуры по противодействию экстремизму: пособие* / [С.В. Борисов и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015.

участвовать в рассмотрении судом уголовного дела о преступлении экстремистской направленности, если предварительно не изучил действующее законодательство о противодействии экстремизму, а также разъяснения, которые даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – постановление № 11).

Все уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 280, 282–282³ УК РФ, рассматриваются федеральными судами районного звена¹, однако подчас при совершении предусмотренных названными статьями преступлений они перерастают в другие, в том числе более тяжкие либо совершаются в совокупности с преступлениями данной категории, в связи с чем дело может рассматриваться вышестоящим по уровню судом, а при наличии для этого оснований и с участием присяжных заседателей.

В примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ законодатель указал, что под преступлениями экстремистской направленности понимаются все преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. С учетом мотива, указанного в п. «е» ст. 63 УК РФ, экстремистский характер могут приобрести преступления, указанные в ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 150, 213, 214, 244 УК РФ.

Прокурор, участвующий в рассмотрении судом уголовного дела об одном из таких преступлений и отстаивающий правильность квалификации, обязан доказать наличие у подсудимого (как признака субъективной стороны) именно того экстремистского мотива, которым руководствовался подсудимый и который в качестве квалифицирующего признака предусмотрен соответствующей статьей УК РФ.

Анализируя проблемы поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях экстремистской направленности, нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство.

¹ За исключением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 282³, подсудных мировым судьям.

Как свидетельствует анализ судебной статистики, значительное число уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 280, 282–282³ УК РФ, рассматривается судом в особом порядке, т.е. без исследования в судебном заседании доказательств, подтверждающих обвинение. Гособвинитель, давая согласие на рассмотрение дела в особом порядке, должен убедиться как в наличии достаточных доказательств, подтверждающих виновность лица, привлекаемого к ответственности, так и в правильности юридической оценки его действий, в отсутствии каких-либо сомнений в этом вопросе.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это, в частности, необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства¹. Такое допустимое ограничение права на свободу слова установлено ст. 280 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за *публичные призывы к экстремистской деятельности*.

При доказывании направленности призывов гособвинителю надлежит учитывать положения Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ). Квалификация деяния подсудимого по названной статье будет обоснованной, когда имели место обращенные к неопределенному кругу лиц публичные призывы: а) к совершению некоторых преступлений, в частности предусмотренных ст. 136, ч. 2 ст. 141, ст. 278, 279, 282–282³ УК РФ; б) к совершению любых других преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; в) к общественно опасной деятельности, уголовно-правовое содержание которой конкретно не определено (например, к воспрепятствованию законной деятельности органов государственной власти). В соответствии с разъяснением постановления № 11 под публич-

¹ Возможность такого ограничения предусмотрена и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966.

ными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. Призыв – форма психического воздействия на сознание и волю людей для того, чтобы побудить их к определенной деятельности. Именно *целенаправленность* призывов отличает их от выражения личного мнения по тем или иным политическим или национальным вопросам, хотя и высказанного публично (например, в кругу сослуживцев, знакомых), поскольку цель призывов – активизировать волю других граждан, направить их поведение в русло конкретных проявлений экстремистской деятельности.

Публичный характер призывов к экстремистской деятельности – еще один признак объективной стороны предусмотренного ст. 280 УК РФ преступления, который также надлежит доказывать в судебном заседании. Признак публичности призывов устанавливается с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращение к группе людей на митинге, во время демонстрации, распространение листовок, вывешивание плакатов и т.п.). Даже если противоправные действия были совершены тайно, но в расчете на последующее восприятие их множеством людей (изготовлены настенные надписи, содержащие призывы к изгнанию представителей какой-либо нации, этнической группы из города и т.п.), деяние будет носить публичный характер. Иными словами, тайное изготовление и помещение для всеобщего обозрения средств наглядной агитации в расчете на ознакомление с ними впоследствии других лиц представляют собой публичные действия в смысле ст. 280 УК РФ. Количество лиц, которым стали доступны призывы, не имеет решающего значения для квалификации деяния по ст. 280 УК РФ, поскольку главный момент здесь – это гласность призывов, их обращенность ко многим людям. Преступление будет считаться оконченным с момента публичного провозглашения хотя бы одного призыва, независимо от того, побудили ли кого-либо из граждан призывы подсудимого к экстремизму.

И еще одно важное обстоятельство: публичные призывы к экстремистской деятельности следует отличать от таких дей-

ствий, как подстрекательство (склонение определенного лица к совершению конкретного преступления), а также от публичных призывов к террористической деятельности, поскольку названные деяния должны квалифицироваться другими уголовными законами. Необходимо иметь в виду, что ст. 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к экстремистской деятельности.

Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по ст. 282 УК РФ (при наличии иных признаков этого состава преступления).

Необходимо также не забывать, что если в ходе предварительного расследования деяние было квалифицировано по ст. 280 УК РФ, а в судебном заседании установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации деяния как более тяжкого преступления (в частности, призывы участвовать в террористической деятельности, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 205² УК РФ), то уголовное дело в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ подлежит возвращению прокурору.

Преступления, предусмотренные ст. 280 УК РФ, всегда совершаются умышленно: призывая к экстремистской деятельности, субъект осознает общественную опасность своих действий. Мотивы же и цели совершения деяния могут быть различными (националистические, корыстные и т.д.); они на квалификацию не влияют, но прокурору следует их учитывать при обосновании своего предложения о мере наказания.

Квалифицирующий признак названного преступления (ч. 2 ст. 280 УК РФ) заключается в совершении его с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (например, размещение призывов на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений), либо средств массовой информации. В последнем случае государственному обвинителю надлежит сослаться на Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». В нем, в частности, содер-

жаты следующие положения: «под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы... под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации». Одновременно подчеркнем, что одноразовая непериодическая продукция (листовки, книги, аудио- и видеозаписи) также служит СМИ, а изготовление и распространение подобных материалов в расчете на их восприятие неограниченным кругом лиц следует считать действием, которое носит публичный характер.

Определенные сложности может вызвать у гособвинителя доказывание законности и обоснованности обвинения при квалификации деяния по ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Названная норма предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение у других лиц чувства ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц *по признакам* пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Ненависть и вражда – сходные по значению понятия (в толковых словарях они чаще всего обозначаются как синонимы), поэтому устанавливать различия между ними в процессе поддержания обвинения не имеет смысла.

Под действиями же, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, как разъяснено в постановлении № 11, следует понимать высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.

В то же время не признается преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в *научных* или *политических*

дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

По мнению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, «критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц».

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ так же, как и в случае квалификации деяния по ст. 280 УК РФ, служит совершение перечисленных в статье действий публично или с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей.

Поскольку состав предусмотренного ст. 282 УК РФ преступления формальный, оно считается оконченным с момента совершения любого из указанных в статье действий, при этом не требуется, чтобы реально наступили последствия, ставшие целью данного преступления, в частности у других лиц возникли чувства ненависти или вражды к иным людям в связи с их расой, национальностью, отношением к религии.

Проблемы квалификации и доказывания, в том числе при поддержании обвинения в суде по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282¹ УК РФ, подробно изложены в пособии Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹.

Следует обратить внимание на то, что в 2014 г. названная статья дополнена ч. 1¹, устанавливающей ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества; усилено наказание за совершение деяний, предусмотренных этой статьей (Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ), а также уточнено содержащееся в приме-

¹ Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания / П.В. Агапов и др.; под ред. В.В. Меркурьева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013.

чании 1 к указанной статье понятие добровольного отказа от участия в деятельности экстремистского сообщества (Федеральный закон от 28.06.2014 № 179-ФЗ).

Применительно же к вопросам, которые могут возникнуть при обвинении подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ, поясним следующее. Под *склонением* должны пониматься действия, направленные на возбуждение у лица желания участвовать в деятельности экстремистского сообщества, при этом виновный может действовать самыми разными способами: путем подкупа, угрозы, обещания, обмана, идеологической обработки и т.д. В таких случаях деяние по существу – специальный случай подстрекательства.

Вербовка – это действия, направленные на заключение соглашения об участии лица в деятельности экстремистского сообщества за вознаграждение, а *иное вовлечение* – действия, обусловившие формирование у лица желания участвовать в деятельности экстремистского сообщества, например под воздействием религиозной пропаганды и т.д. В случае неудачного склонения, вербовки, иного вовлечения в деятельность экстремистского сообщества, т.е. когда у лица в результате действий подсудимого желания участвовать в деятельности названного сообщества не возникло, имеет место покушение на совершение преступления, предусмотренного ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ.

Уголовная ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с экстремистской деятельностью, за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации, а равно за *участие в деятельности* такой организации установлена ст. 282² УК РФ. Отметим, что уголовная ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации в настоящее время предусмотрена ст. 205⁵ УК РФ (Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о лик-

ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации). Участие же в деятельности такой организации – это выполнение лицом активных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.). В случае совершения организатором (руководителем) или участником экстремистской организации конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 282² УК РФ и соответствующей статьей УК РФ.

Важно также отметить еще одно обстоятельство. Если в судебном заседании возникнет вопрос о разграничении преступления, предусмотренного ст. 282² УК РФ, и административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.28 КоАП РФ, то следует учитывать, что административная ответственность установлена за организацию и участие в деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу *решение о приостановлении* его деятельности, тогда как совершение указанных действий при наличии вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности общественного или религиозного объединения в связи с осуществлением им экстремистской деятельности *влечет* уголовную ответственность.

Так, например, в соответствии с предложением гособвинителя гражданин М. признан виновным в организации деятельности экстремистской (террористической) организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282² УК РФ (приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 12.12.2014). М. создал в Башкирии ячейку международной организации «Имарат Кавказ», которая признана террористической и ее деятельность в России запрещена решени-

ем Верховного Суда РФ от 25.02.2010. В организованную ячейку М. вовлек своего знакомого Ш., который по его указанию в состав организации вовлек ряд граждан. При этом подсудимые осуществляли скрытную антироссийскую пропагандистскую деятельность среди населения. Под руководством М. был разработан план действий участников организации с распределением функций между ними. Он планировал и контролировал работу ячейки, давая через Ш. и А. указания по организации и проведению конспиративных собраний и бесед с верующими мусульманами в целях их последующего вовлечения в экстремистскую деятельность. Таким образом, гр. К., З., Ш., А., принявшие участие в работе организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282² УК РФ.

Понятие «финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282³ УК РФ) достаточно полно раскрыто в диспозиции самой статьи, которая устанавливает ответственность за «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации». Следует оговориться: государственный обвинитель в судебном заседании должен располагать доказательствами, подтверждающими, что подсудимый предоставил средства или осуществил их сбор либо оказал финансовые услуги с осознанием того, что они предназначены для финансирования экстремистской деятельности.

Как уже отмечалось, к преступлениям экстремистской направленности относятся и некоторые другие преступления, если они были совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). И хотя подсудимые в судебном заседании не всегда признают, что они действовали на почве ненависти либо вражды, наличие у них экстремистских мотивов подчас убедительно подтверждается самим характером совершенных ими действий. Если, например, избивая незнакомого ему представителя той или иной национальности или социальной группы, подсудимый выкрикивал ксенофобские

лозунги, вряд ли можно сомневаться в том, какой была внутренняя побудительная причина его действий.

Умение прокурора искусно вести судебное следствие по делам о преступлениях экстремистской направленности означает способность правильно определить предмет судебного следствия и обстоятельства, подлежащие доказыванию; тактически и психологически грамотно, с соблюдением процессуальных правил представлять и исследовать доказательства обвинения; участвовать в исследовании доказательств, представленных стороной защиты.

Разумеется, каких-либо особых правил рассмотрения, а также представления и исследования доказательств по делам о преступлениях экстремистской направленности закон не содержит, однако, как и в любом уголовном деле, здесь могут быть особенности, обусловленные как конкретными обстоятельствами совершения преступления, так и тем, как тот или иной состав преступления сформулирован в соответствующей статье УК РФ. Очевидно, доказывание факта публичных призывов к экстремистской деятельности, имевших место на митинге, собрании, т.е. в присутствии многих очевидцев, будет отличаться от доказывания таких же противоправных действий, но совершенных тайно (надписи на стене) либо в сети Интернет.

Во многих случаях совершение подсудимым деяния может быть подтверждено системой видеонаблюдения, распечатка снимков с которого в таком случае приобщается к уголовному делу, материалами, содержащимися на принадлежащих подсудимому различных электронных носителях, а также размещенными на его странице текстов и фотографий в сети Интернет.

Один из видов доказательств, к которому нередко прибегают в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел об экстремизме, – заключения экспертов. Еще при подготовке к судебному заседанию гособвинителю необходимо изучить не только заключительную часть экспертного исследования, в которой формулируются выводы, но и ту его часть, где эти выводы обосновываются применительно к поставленным перед экспертом вопросам.

Если же в экспертном заключении обнаружатся недостатки (неполнота, противоречия между описанием проведенного исследования и выводами и др.) или будет установлено, что при назна-

чении и проведении экспертизы нарушены положения УПК РФ, либо выявятся противоречия в актах различных экспертов, государственному обвинителю следует подготовить ходатайство о допросе эксперта или экспертов для разъяснения или дополнения данного ими заключения (ч. 1 ст. 282 УПК РФ). При этом обращаем внимание, что первой вопросы эксперту в судебном заседании задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза (ч. 2 ст. 282 УПК РФ), и к этому надо подготовиться.

Когда в судебном разбирательстве путем допроса экспертов не удастся преодолеть противоречия между их выводами, то по ходатайству государственного обвинителя может быть назначена повторная либо дополнительная судебная экспертиза (ч. 4 ст. 283 УПК РФ).

Важно иметь в виду следующее. Обращаться к помощи эксперта необходимо тогда, когда действия, выражения, публикации подсудимых, обвиняемых в совершении преступлений на почве ненависти, не носят ярко выраженный ксенофобский характер, который однозначно свидетельствует о мотиве совершенного преступления. Также до заявления ходатайства с учетом конкретных обстоятельств дела надлежит определиться, какой должна быть форма использования специальных знаний: допрос специалиста, заключение специалиста, заключение эксперта (ст. 80 УПК РФ).

Напомним, что специалист проводит исследования и отвечает на поставленные перед ним вопросы, используя только свои знания, научные или энциклопедические издания. Экспертиза же, как представляется, должна проводиться, когда для получения ответов на поставленные перед экспертом вопросы необходимы исследования, связанные с использованием определенных методик и, как правило, требующие длительного времени.

Когда гособвинителем принимается решение ходатайствовать о производстве экспертизы, очень важно правильно сформулировать вопросы, которые надлежит поставить перед экспертом. При этом следует помнить, что не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, поскольку разрешение этих вопросов относится к исключительной компетенции суда.

В частности, не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тех или иных высказываниях подсудимого, изго-

товленных им текстах призывы к экстремистской деятельности, направлены ли исследуемые в суде материалы на возбуждение ненависти или вражды, поскольку эти вопросы и должны разрешаться судом при вынесении приговора.

Речь прокурора будет звучать доказательно только тогда, когда она основана на материалах судебного следствия, обобщает его итоги, является логическим выводом из фактов, установленных в ходе судебного следствия.

После вынесения судом итогового решения по делу государственному обвинителю належит определить, имеются ли обстоятельства, свидетельствующие о неправильном применении уголовного либо уголовно-процессуального закона, повлекшие значительные вредные последствия, и при наличии таких обстоятельств обжаловать судебное решение в апелляционном порядке.

Е.Г. Дозорцева,
заведующий кафедрой юридической
психологии и права факультета
юридической психологии МГППУ,
руководитель лаборатории психологии
детского и подросткового возраста
отдела социальных и судебно-
психиатрических проблем
несовершеннолетних Национального
медицинского исследовательского
центра психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского,
доктор психологических наук, профессор

Психологические особенности малолетних потерпевших в уголовном процессе

Среди участников уголовного процесса малолетний потерпевший – не самая простая фигура для работы следствия и суда. Потерпевший, прежде всего, – свидетель, причем нередко ребенок является единственным источником информации, необходи-

мой для предъявления обвинения. Однако часто получить от него надежные и достоверные сведения нелегко. Следует заметить, что психология свидетельских показаний – одна из главных тем юридической психологии в целом. Не будет преувеличением сказать, что именно с нее юридическая психология и началась как наука, – стоит вспомнить экспериментальные пионерские работы А. Бине, В. Штерна, а также многочисленные более поздние исследования.

В отечественной судебной психологии в этой области особое место занимает работа М.М. Коченова и Н.Р. Осиповой (1988, 2010), посвященная психологии допроса малолетних свидетелей, в настоящее время не утратившая своей значимости. Существенный вклад в области экспертной оценки способности малолетних и несовершеннолетних свидетелей и потерпевших давать показания в контексте судебно-психологической экспертизы внесли работы М.М. Коченова и его сотрудников (1980, 2000), а в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы – исследования М.В. Морозовой (1995–2016). Однако, несмотря на неослабевающий интерес к этой теме, решенной проблему получения надежной информации, в частности от малолетних потерпевших, считать нельзя.

Известно, что дети – наиболее уязвимые свидетели: возрастные особенности психики детей таковы, что ребенок легко подпадает под внешнее влияние со стороны взрослых и подвержен действию внутренних факторов, к которым относятся, например, скорость забывания, фантазии и прочие обстоятельства, искажающие факты. Одна из основных проблем, с которыми сталкивается в подобных случаях следователь, – как минимизировать негативные воздействия любого рода на показания малолетнего свидетеля и получить максимально реалистичную информацию.

Между тем получение надежных сведений по делу в подобных случаях – не единственная его задача. При проведении следственных действий с несовершеннолетними следует руководствоваться двумя основными целями или принципами, ориентированными на получение информации по делу и на соблюдение прав и интересов ребенка. В отношении малолетнего потерпевшего второй принцип имеет особое значение: такой ребенок яв-

ляется носителем не только информации, но и – очень часто – последствий психологической травмы, нанесенной ему преступлением, что требует бережного и щадящего к нему отношения. Даже если такие последствия не являются очевидными, сам несовершеннолетний возраст диктует необходимость учитывать ограниченные психологические и физические возможности ребенка участвовать в следственных действиях, как того требует ст. 191 УПК РФ, устанавливая временные нормы работы для разных возрастных категорий потерпевших и свидетелей.

Следует обратить внимание на еще одно положение этой статьи, предписывающее обязательное проведение видеозаписи или киносъемки следственного действия с участием несовершеннолетнего. Смысл этого требования заключается в том, чтобы не подвергать ребенка многократным допросам в период следствия и судебного разбирательства при наличии однократного информативного допроса.

Аналогичные требования содержатся в законодательствах других стран. Так, согласно ст. 154 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии опрос ребенка в рамках следствия может проводиться не более двух раз, причем второй раз – лишь при условии определенных обстоятельств. Опрос ведется подготовленными сотрудниками в присутствии специалиста, сопровождается видеозаписью, кроме того, опрашиваемый и специалист описывают свои наблюдения в особом заключении (Hansjakob T., 2017). К сожалению, в России на практике требования о видеозаписи следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей выполняются не всегда, так как закон позволяет этого не делать, если несовершеннолетние или их законные представители возражают против такой записи. Следует подчеркнуть, что объективно это противоречит интересам самих потерпевших и свидетелей.

В последние годы были проведены многочисленные эмпирические и экспериментальные исследования, которые позволяют уточнить возможности детей разного возраста при идентификации людей, при передаче информации о пережитых событиях, а также при сокрытии известных им фактов. Эти особенности могут быть учтены следователями и специалистами, сопровождаю-

щими следственные действия с участием несовершеннолетних потерпевших.

Так, анализ различных эмпирических исследований, посвященных возможностям детей идентифицировать людей, показал, что у детей, начиная с возраста пяти лет, эта способность сравнима с аналогичными способностями взрослых, но лишь при условии непосредственного опознания преступника. Если же опознаваемое лицо не присутствует, а предъявляется серия фотографий, дети всех возрастных групп (от 5 до 13 лет) значительно менее в состоянии правильно опознать человека, чем взрослые. Если у взрослых при последовательном предъявлении изображений точность опознания возрастает, то у детей этого не наблюдается. Исследователи предполагают, что при необходимости выбора изображений в отсутствие подозреваемого низкая точность у детей может объясняться тем, что они считают, что обязательно должны на кого-то указать (Pozzulo J., 2013). Если же ставится обратный вопрос (указать того, кого на месте преступления не было), то ложных опознаний становится меньше. В целом же считается, что к результатам опознания детьми по фотографиям нужно относиться осторожно (Sporer S. L., Sauerland M., Kocab K., 2014).

Один из важных вопросов, встающих перед сотрудниками правоохранительных органов при работе с малолетними потерпевшими, – с какого возраста дети могут давать показания. Исследования в области возрастной психологии свидетельствуют, что первые упоминания о прошедшем появляются у ребенка между полутора и двумя годами, однако доступный ему язык позволяет говорить преимущественно о настоящем. Начиная с двух лет, дети могут упоминать о прошлых событиях, но относящихся к привычным типичным действиям. Воспоминания о специфических событиях появляются у детей между двумя и тремя годами, однако главным образом если речь идет о совместных воспоминаниях родителей и детей, поэтому в них трудно выделить собственный вклад ребенка. Инициированных самостоятельно воспоминаний детей в этом периоде еще нет и до начала четвертого года они остаются редкостью. В промежутке от 3 до 3,5 лет начинает развиваться способность ребенка более или менее связно рассказать о прошедшем событии. Однако извлечение хра-

нящейся информации для них все еще затруднено, определенной структуры она не имеет, поэтому в разное время дети этого возраста могут давать разную информацию об одном и том же эпизоде. Способность сообщать о событиях без помощи опрашивающего постепенно улучшается до школьного возраста (Nelson K., Fivush R., 2004; Fivush R., 2011).

Дети не сохраняют в памяти то, что произошло с ними до 2-летнего возраста, но могут вспомнить что-либо из событий, пережитых в 3-летнем возрасте. Ранние воспоминания могут сливаться с аналогичными событиями в более позднем периоде или с тем, о чем дети слышали в семье. Воспоминания о событиях, как правило, сохраняются с 6 лет. На способность к запоминанию влияет значимость события и способность ребенка к его структурированию.

Развитие речи ребенка – важное условие передачи информации. М.М. Коченов и Н.Р. Осипова (1988, 2010) выделяют в дошкольном возрасте два возрастных этапа: 3–5 и 5–7 лет, характеризующиеся разными когнитивными и языковыми возможностями. Младшие дошкольники обладают словарным запасом от 1000 до 2000 слов, их речь имеет диалогический и ситуативный характер, логически слабо связана. У старших словарь расширяется до 3000 слов, начинает формироваться монологическая речь, интенсивное развитие которой происходит в следующем возрастном периоде. Примерно в 6-летнем возрасте дети уже могут самостоятельно логически организовать свой рассказ. R. Volbert (2014) обращает внимание на то, что к 4-летнему возрасту дети уже обладают основным лексическим и грамматическим составом родного языка, но многим из них трудно правильно произносить звуки, поэтому их речь может быть не вполне понятной. Иногда они используют слова, значения которых не понимают, а если маленьким детям задают вопрос без учета возрастной специфики, они часто не замечают, что не поняли его, и не указывают на это, а дают какой-либо ответ, даже если объективно ответить на этот вопрос невозможно.

Фантазирование самого ребенка может быть одним из источников неверной передачи информации. В 3 года дети уже могут различать реальные объекты и вымышленные представления. Но эксперименты показывают, что даже в старшем дошкольном

возрасте они еще могут верить в то, что представляемое ими существует в действительности. Кроме того, в сложных условиях, к которым относится процесс следствия по уголовному делу, им трудно различить источники своих воспоминаний, особенно если интервал между событием и воспоминанием был длительным. В таких случаях ребенок склонен верить в то, что он в действительности не пережил, но представлял в воображении либо слышал от других людей. Подобный вариант относится к числу заблуждений, в которые дети искренне верят. По особенностям предъявления эти сведения ничем не отличаются от правдивых и достоверных показаний.

Иная картина может возникнуть в ситуациях, когда в силу определенных обстоятельств, как правило, связанных с давлением на ребенка со стороны взрослых, малолетний свидетель или потерпевший скрывает какую-то информацию либо идет на заведомую ложь. Умеют ли дети лгать?

Между двумя и тремя годами у детей могут появиться первые проявления лжи. Как правило, это происходит в тех случаях, когда им грозит наказание и они стараются его избежать. Однако при этом сложно сказать, действительно ли это обман или ребенок высказывает мысли о желаемом. Экспериментально показано (Talwar, Lee, 2008), что в конфликтной ситуации (ребенок решает, признаться или нет в тайном нарушении установленного экспериментатором правила) около трети трехлетних детей, но большинство – в возрасте от 4 до 7 лет прибегали к обману. Это означает, что дети в возрасте от 3 до 4 лет могут создать у других людей ложные представления об определенном предмете, а следовательно, понимать, что человек может обладать субъективными представлениями, отличающимися от реальности. В этом же возрасте возникает понимание секретной информации, тайны, которую можно хранить от других. Возможности детей обманывать дополняются способностью поддерживать обман при последующем опросе, например симулировать незнание какой-либо информации. В эксперименте, в котором дети по правилам не должны были подсматривать, какую игрушку спрятал экспериментатор, но в его отсутствие нарушали правила, 70% детей от 3 до 7 лет сразу же выдавали себя при опросе. Большинство 7-летних детей старались дать соответствующие обману ответы,

но часто не были успешны. Возможности более старших детей (учеников третьего и пятого классов) в этом отношении были существенно выше. Дети должны были оценивать ожидания экспериментатора относительно предоставляемой информации и понимать, что представление о реакции другого человека может быть ложным. Такое понимание начинает появляться около 6 лет и развивается до подросткового возраста.

Если ребенок замалчивает нарушение правил взрослым, следуя указаниям этого взрослого, то 5–6-летние дети чаще склонны хранить секрет, чем 8–10-летние, однако в подобных случаях существенное влияние имеет мотивация такого молчания (Volbert R., 2014). Как правило, при этом имеет значение такая особенность детей, как внушаемость.

Внушаемость, или склонность некритично воспринимать сведения, передаваемые другими людьми, либо следовать их указаниям, может быть важным источником искажения информации, продуцируемой детьми. Внушаемость считается нормативным качеством детей вплоть до подросткового возраста. Следует учитывать, что в определенной мере внушаемость может быть свойственна людям и более старших возрастов, включая взрослых. Однако внушаемость проявляется лишь в процессе взаимодействия и стимулируется специфическими способами воздействия. Таким взаимодействием может быть опрос малолетнего потерпевшего следователем, поэтому крайне важно, чтобы сам следователь не воздействовал внушающим образом на ребенка и не провоцировал искажения им информации. Для этого нужно знать основные признаки неправильно проводимого или «внушающего» опроса, например при выяснении, было ли по отношению к ребенку совершено насилие и каковы его обстоятельства.

По мнению M. Bruck, S.J. Ceci, H. Nembrooke (2006), одна из причин внушающего воздействия на ребенка заключается в тенденциозности самого опрашиваемого, а именно в его изначальной убежденности в том, что некое событие имело место или, напротив, не происходило. Поддерживая определенную гипотезу, следователь не уделяет внимания всей полноте фактов, включая противоречащие этой гипотезе, и ведет ребенка к освещению только тех обстоятельств, которые его интересуют. Другая стратегия следователя, ведущая к искажению информации, – транс-

лирование ребенку оценочных характеристик предполагаемого преступника и избирательное подкрепление, в том числе невербальное (кивками головы, улыбкой), тех высказываний ребенка, которые соответствуют представлениям следователя. К внушающим техникам относится использование анатомически правильных кукол при расследовании преступлений сексуального характера, в особенности когда следователь пытается получить от ребенка первичные сведения о предполагаемом событии. Наличие необычных для остальных кукол анатомических деталей побуждает ребенка исследовать их, что может привести к неверному выводу о сексуализированном поведении ребенка как следствии перенесенного злоупотребления. Следует отметить, что аналогичным образом нельзя делать вывод о совершенных сексуальных действиях по особенностям рисунков детей. Как свидетельствуют исследователи, вообще не существует специфического «синдрома сексуального злоупотребления», а в случаях доказанного злоупотребления обычно наблюдается множество неспецифических симптомов (Maag R., 2017).

Внушающий эффект имеют определенные формы вопросов, задаваемых ребенку следователем. Максимальное суггестивное влияние оказывают вопросы, в которых в качестве якобы бесспорного факта уже упоминается информация, подлежащая выяснению при опросе ребенка. Суггестивный характер имеют также вопросы, содержащие альтернативу («или – или») и сужающие поле возможностей предложенными вариантами. Вопросы, ограничивающие выбор вариантов, получили название закрытых. К ним относятся вопросы, предполагающие односложный ответ (подтверждение или отрицание сказанного опрашиваемым, название конкретного факта). В отличие от закрытых открытые вопросы представляют собой побуждение к свободному рассказу, содержащему исключительно ту информацию, которую может предоставить сам ребенок. Такие сведения свободны от внешних влияний и потому наиболее ценны.

На основе знания возрастных психологических особенностей детей и возможных факторов, которые могут повлиять на точность и надежность воспроизводимой ими информации, были разработаны специальные правила, или методические рекомендации, для проведения опроса малолетних потерпевших и свидетелей,

которые широко используются за рубежом (Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г., 2017). Существует несколько вариантов таких правил, называемых протоколами. Некоторые из них, ориентированные преимущественно на младших детей, предусматривают использование вспомогательных средств (например, называние различных частей тела, рисование, специальные картинки), с помощью которых по определенному плану, но в относительно свободном режиме выясняется важная для следствия информация. Другие протоколы задают более строгий и структурированный формат беседы. К последнему классу относится наиболее распространенный в практике европейских стран протокол NICHD, разработанный в Национальном институте развития ребенка и человека (National Institute of Child and Human Development – NICHD) в США. Основная идея методики заключается в том, чтобы стимулировать свободный рассказ ребенка и максимально устранить факторы, способные исказить содержание его показаний. Особое значение придается подготовке опроса. Во вводной части протокола NICHD опрашивающий устанавливает правила работы: ребенку объясняют и показывают на примерах, что он должен информировать опрашивающего, если не понимает или не знает, о чем его спрашивают. С ребенком проводится тренировка свободного рассказа о некотором нейтральном недавнем событии, что задает образец стиля последующего опроса. После этого проводится собственно опрос с преобладанием открытых вопросов. Завершается опрос переходом к нейтральной теме и восстановлением у ребенка ровного и спокойного эмоционального состояния. В последней версии протокола NICHD¹ большое внимание уделяется первоначальному установлению контакта с ребенком и подчеркивается, что без такого позитивного контакта проведение продуктивного опроса невозможно. Предлагаемые в данных методических разработках способы работы с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями могут оказаться полезными для российской практики.

Статья 191 УПК РФ предписывает привлечение к проведению следственных действий с участием несовершеннолетних по-

¹ Русскоязычная версия протокола доступна по адресу: <http://nichdprotocol.com/the-nichd-protocol/>

терпевших и свидетелей, не достигших 16 лет, а также достигших, но страдающих психическими расстройствами или отстающих в развитии, педагога или психолога, причем при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно. Совместная работа следователя и психолога в этих условиях может быть весьма продуктивной, если следователи будут ориентироваться в психологических особенностях детей, важных для проведения следственных действий, а психологи смогут поддерживать комфортное психологическое состояние несовершеннолетних и помогать следователю получать максимум реалистичной и надежной информации.

М.В. Кроз,
ведущий научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат психологических наук

Психологические проблемы поддержания прокурором государственного обвинения в суде

При психологическом изучении труда государственного обвинителя исследователи, как правило, основное внимание уделяют трудностям, возникающим в процессе его взаимодействия с другими участниками судебного процесса, профессиональными и непрофессиональными, построению обвинительной речи, приданию ей наибольшей убедительности. Весь этот комплекс проблем можно назвать внешними по отношению к прокурору, интерпсихическими, поскольку они возникают в пространстве его взаимодействия с участниками процесса.

Другая группа проблем, которые можно обозначить как внутренние или интрапсихические, изучена значительно меньше. Их происхождение обусловлено двойственностью позиции прокурора в уголовном процессе. С одной стороны, он выступает в качестве государственного обвинителя, осуществляя уголовное

преследование в суде (п. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Следовательно, он всеми силами должен стремиться к тому, чтобы подсудимый, изобличенный в ходе предварительного следствия, понес справедливое наказание. Именно в этом, казалось, должно было бы заключаться основное предназначение прокурора в уголовном судопроизводстве, ведущая цель его деятельности в суде.

Однако в отличие от адвоката, выступающего в процессе в личном качестве и имеющего право (и обязанность) использовать для защиты своего клиента любые законные способы и средства, прокурор в суде – это прежде всего представитель государства. Он обязан не только поддерживать обвинение, но также и обеспечивать его законность и обоснованность. Прокурор должен сохранять объективность и беспристрастность, он не только имеет право, но обязан отказаться от обвинения, когда оно не находит подтверждения в ходе судебного следствия (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Данное требование закона отражается даже в формулировке деятельности прокурора в суде: он не «обвиняет», а «поддерживает обвинение», идущее не от него лично, а от органов предварительного расследования. Таким образом, получается, что «поддержание государственного обвинения не самостоятельная функция прокурора, а форма деятельности по обеспечению законности в ходе осуществления судом правосудия»¹.

Подобного рода внутренне противоречивые требования задают двойственность ролевой позиции прокурора в суде. Он одновременно должен и выступать в качестве обвинителя, и объективно оценивать, «взвешивать» все доказательства, изобличающие преступника, своевременно отказываться от тех из них, которые не соответствуют требованиям закона. Это, в свою очередь, может породить внутренний конфликт у прокурора, когда происходит борьба между двумя противоречащими друг другу ролевыми позициями «обвинителя» и «арбитра, беспристрастно оценивающего доказательства виновности подсудимого». Развитие такого конфликта может зачастую вызывать у него состояния

¹ Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н., Калинин В.Н. Прокурорский надзор: учебник. М., 2006. С. 352.

психического напряжения, дискомфорта, стресса, а также стремление каким-то образом разрешить возникшее противоречие.

В такой ситуации у прокурора зачастую возникает подспудное желание отказаться от одной из позиций и полностью занять другую, следовать только лишь ее требованиям. Известно, что на практике в подавляющем большинстве случаев выбирается позиция «обвинителя». В результате в деятельности такого прокурора начинает проявляться обвинительный уклон, он стремится во что бы то ни стало добиться осуждения подсудимого.

Подобная позиция избирается отнюдь не из-за злокозненности прокурора. К ней его подталкивает весь предыдущий профессиональный опыт, направленность его труда на борьбу с преступностью, а также многолетние традиции ведомства. Так, принятые в прокуратуре критерии оценки труда прокуроров и показатели статистической отчетности о работе фактически подталкивают работников к поддержанию обвинения даже в случаях, когда им приходится покрывать огрехи и недоработки предварительного расследования.

Отказ от обвинения или переквалификация обвинения на более «мягкую» статью практически всегда рассматриваются как «чрезвычайное происшествие». И для того, чтобы пойти на это, государственному обвинителю нужны очень серьезные аргументы, прежде всего чтобы объяснить свою позицию руководителю, вышестоящему прокурору, который, как правило, подписывает это обвинительное заключение; доказать ему свою правоту. То есть он должен не только сам изменить свою позицию, но и убедить своего руководителя поступить так же.

Как справедливо отмечают специалисты, «...прокурор не должен использовать свои полномочия для оправдания следственных ошибок, для того, чтобы во всяком случае спасти «честь мундира»¹. Вместе с тем это психологически очень сложно, требует серьезной внутренней перестройки, преодоления сложившихся стереотипов, наличия у специалиста таких качеств, как гибкость, незашоренность мышления. Указанные причины (среди прочих непсихологических факторов) определяют широ-

¹ *Настольная книга прокурора* / под ред. С.И. Герасимова. М., 2002. С. 652.

кую распространенность «обвинительного уклона» в деятельности прокуратуры.

Традиционно обвинительный уклон в деятельности прокурора, судьи, следователя рассматривают как тенденцию игнорировать доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, нежелание проверять и учитывать доводы защиты¹. Его суть, как утверждает Л.А. Воскобитова, заключается в стремлении сначала сформулировать, а затем любой ценой подтвердить приговором суда обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу².

С точки зрения психологии обвинительный уклон в деятельности представителей указанных профессий можно рассматривать как разновидность социальной установки, заключающейся в предрасположенности субъекта (судьи, прокурора и др.) еще до судебного разбирательства воспринимать и оценивать любого подсудимого как человека, определенно совершившего вменяемое ему преступление (*обвинительная установка*)³. Обвинительный уклон как специфическая социальная установка может проявляться не только в той сфере профессиональной деятельности юристов, в которой она, собственно говоря, и возникает – в уголовном процессе, но и более широко, в других областях служебной, а также и во внеслужебной деятельности прокурора, в различных ситуациях его взаимодействия с представителями поднадзорных организаций, с сослуживцами, близкими, друзьями и даже членами семьи. В этом случае он проявляется в форме негативизма к окружающим, подозрительного, недоверчивого отношения к ним, стремления, анализируя причины поведения, поступков людей, приписывать им отрицательные, низменные мо-

¹ См., напр.: Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуал. проблемы рос. права. 2015. № 9 (58). С. 149–154.

² См.: Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуал. проблемы рос. права. 2014. № 3. С. 455–462.

³ См.: Петрова Е.А. Психологические детерминанты обвинительной установки и эффективность судопроизводства: дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

тивы и цели деятельности и действовать, основываясь на таких атрибуциях, а в наиболее общем виде – как глобальная презумпция незаконопослушности всех, кроме самого субъекта.

Обвинительный уклон следует рассматривать и как одну из форм профессиональной деформации прокурора, следователя, судьи, широко распространенную среди представителей этих профессий¹. Вместе с тем сами прокуроры за собой подобного не замечают. Так, в исследовании, в котором изучались представления прокурорских работников о причинах и формах проявления профессиональных деформаций у их коллег², был получен обширный перечень негативных личностных особенностей и деструктивных поведенческих проявлений, которые, по мнению участников исследования, появляются у прокуроров в результате воздействия отрицательных особенностей их работы. К числу таких характеристик относятся низкая стрессоустойчивость, раздражительность, несдержанность, вспыльчивость, грубость, высокомерие, амбициозность, заносчивость, чванливость, безапелляционность, категоричность, невнимание к чужим мнениям, болезненная реакция на критику, повышенная конфликтность, агрессивность, злобность, безынициативность, пассивность, безразличие, апатия, слабая мотивация труда, равнодушие к работе, формализм, нежелание принимать на себя ответственность, черствость, сухость, безэмоциональность, циничность, «толстокожесть» и многие другие проявления. Но ни один из опрошенных прокурорских работников не назвал в числе таких особенностей обвинительный уклон. В наиболее близких по смыслу ответах отмечались такие составляющие обвинительной установки, как подозрительность, недоверчивость к людям, в том числе подчиненным, мнительность, негативизм прокуроров (9,1% тов³). И лишь несколько человек указали на обвинительный уклон в качестве одной из *причин*, специфических особенностей

¹ Так, по данным исследования Е.А. Петровой, обвинительная установка той или иной степени выраженности была выявлена у 84% опрошенных ею практикующих судей. См.: *Петрова Е.А.* Указ. соч.

² См. об этом подробнее: *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Профессиональная деформация прокурорских работников // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2014 году: сб. науч. докл. Вып. 3 / под ред. О.С. Капинус. М., 2015. С. 149–176.

³ От общего числа респондентов (407 человек).

деятельности («ориентация на поиск «негатива» в работе»), факторов, приводящих к деструктивным изменениям в личности.

Представляется, что в этом случае (а также в отношении к некоторым другим социально порицаемым поведенческим девиациям и искажениям морально-этической сферы, например *деформациям правосознания*, не замеченным опрошенными) более всего проявилась *пристрастность* оценок и мнений прокуроров, обусловленная их включенностью в ту же самую профессиональную группу, типичные деформации представителей которой их просили оценить. Отвечая на вопросы анкеты, они фактически осуществляли своеобразную самооценку, что не могло не повлиять на их объективность. Вероятно, важную роль здесь также сыграли *механизмы психологической защиты*, с помощью которых негативная информация о собственной личности или высоко значимых аспектах жизнедеятельности устраняется из поля сознания человека (вытесняется), искажается или подвергается рационализации (внешне логичным, обоснованным оправданиям или дискредитации).

Первым шагом на пути преодоления обвинительного уклона является осознание субъектом наличия подобной установки, влияющей на его поведение и отношения с окружающими, поскольку она относится к сфере бессознательного, ее рефлексия и анализ требуют специально организованных усилий индивида. Значительную помощь в этой работе – переводе вытесненной, искаженной личностно значимой информации о причинах своего поведения в план сознания могут оказать прокурорам практические психологи, имеющие опыт психотерапевтической работы. Вместе с тем очень большое значение здесь имеет мотивация прокурора к такой работе, его стремление преодолеть возникшие трудности, неадекватные поведенческие стереотипы.

И.Ю. Михайлова,
младший научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации

Правовые и психологические особенности задержания и допроса несовершеннолетних

Выделение дел с участием несовершеннолетних в особый вид уголовного производства обусловлено социально-психологическими особенностями детей и подростков. Это необходимо, чтобы обеспечить дополнительные гарантии и снизить негативное воздействие уголовного производства на психику несовершеннолетних, не допустить незаконное привлечение их к ответственности и необоснованное лишение свободы. Помимо воспитательно-профилактического воздействия на несовершеннолетних наличие особого производства важно для эффективного предупреждения преступлений, решения вопросов о виновности (или невиновности) несовершеннолетнего и назначения ему справедливого наказания (или освобождения его от уголовной ответственности), обеспечения надлежащей правовой защиты несовершеннолетнего обвиняемого.

Такие процессуальные действия, как задержание и заключение под стражу, связаны с лишением лица свободы. Значительный ущерб правам и свободам человека причиняет незаконное и необоснованное применение этих мер принуждения.

Законность действий и решений в уголовном судопроизводстве означает их реализацию в порядке, предусмотренном нормами уголовно-процессуального закона. Под обоснованностью решений суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя понимается подтверждение их фактами, доводами. В соответствии со ст. 91 УПК РФ задержание применяется для пресечения преступлений, предотвращения совершения ими новых преступлений, недопущения избежания этими лицами уголовного преследования. Кроме заключения под стражу закон называет такие меры пресечения, как залог, домашний арест и личное поручительство. Таким образом, применение задержания не означает избра-

ния меры пресечения в виде заключения под стражу. К задержанному по подозрению в совершении преступления могут быть применены и иные меры пресечения, не подразумевающие заключение под стражу. Согласно ст. 91 УПК РФ орган дознания, следователь или прокурор имеют право задержать лицо по подозрению в совершении преступления, но это не является обязанностью.

В соответствии с ч. 2 ст. 91 УПК РФ «при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пытается скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу». Полагаем, что понятие «иные данные» может быть интерпретировано по собственному усмотрению, а это может привести к заключению граждан под стражу без достаточного основания. Также на основании ч. 2 ст. 91 УПК РФ сторона обвинения может объяснять задержание формальным моментом – направлением в суд соответствующего ходатайства. Во избежание подобных необоснованных задержаний законодатель должен конкретизировать имеющийся в данной статье термин «иные данные».

Среди мер пресечения в отношении несовершеннолетних УПК РФ выдвигает на первый план передачу несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) под присмотр. Такая мера была предусмотрена и ранее в уголовно-процессуальном законе РСФСР, но на практике почти не применялась.

Статья 105 УПК РФ гласит, что присмотр состоит в обеспечении должного поведения несовершеннолетнего на период предварительного расследования и судебного разбирательства. За присмотр могут отвечать родители, опекуны, попечители или другие лица, заслуживающие доверия, а также должностные лица специализированного детского учреждения по месту его нахождения. Об этом названные лица дают письменное обязательство. Им разъясняется, в чем подозревается (обвиняется) несовершеннолетний, а также их ответственность по присмотру.

При осуществлении передачи несовершеннолетнего нарушителя под такой присмотр следователь должен удостовериться,

что лица, которым он передается, имеют на него положительное влияние, верно понимают содеянное несовершеннолетним и в состоянии обеспечить правомерное поведение и контроль над подопечным. Для этого должностное лицо собирает сведения, проверяет условия их жизни. Несовершеннолетние передаются под присмотр на основании письменного согласия указанных лиц.

Процедура задержания и заключения под стражу несовершеннолетних описана в ст. 423 УПК РФ (глава «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»). Статья гласит, что задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего лица должны происходить в соответствии со ст. 91, 97, 99, 100 и 108 УПК РФ. Следовательно, особых требований в УПК РФ к задержанию и заключению под стражу несовершеннолетнего нет, кроме тех, что прописаны в ч. 2 ст. 108 УПК РФ, и на несовершеннолетних распространяются те же правила, что и на взрослых правонарушителей. Большинство авторов сходятся во мнении, что это противоречит международно-правовым нормам и принципам. Принятая Генеральной ассамблеей ООН 20.11.1989 Конвенция о правах ребенка гласит, что «арест, задержание или тюремное заключение ребенка осуществляется согласно закону и используется лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода». Также в соответствии со ст. 13 Минимальных стандартных правил ООН «содержание под стражей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени».

По российскому законодательству подозреваемый или обвиняемый, не достигший 18 лет, может быть подвергнут заключению под стражу в случае, если он подозревается (обвиняется) в совершении тяжких преступлений или преступлений особой тяжести, в исключительных случаях – средней тяжести. Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ под исключительными случаями в отношении взрослых понимаются такие обстоятельства:

лицо не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;

его личность не установлена;

им нарушена ранее избранная мера пресечения;

он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

Как справедливо указывает О.Ю. Андриянова, «неопределенность процессуальных норм в отношении несовершеннолетних влечет произвольное толкование исключительности случаев»¹. По мнению некоторых ученых-юристов, исключительными являются случаи, когда несовершеннолетний уже совершал преступления, привлекался к уголовной ответственности (освобождался от ответственности), его преступная деятельность продолжалась длительный период, требует изоляции от общества (употребляет алкоголь, наркотики, не учится, не работает, состоит на учете в органах внутренних дел и т.д.)².

Вызов несовершеннолетнего лица к прокурору (следователю, в суд и т.д.) происходит в соответствии со ст. 424 УПК РФ. Она устанавливает, что такой вызов совершается через администрацию учреждения, в котором он находится, а в случае, если он не помещен под стражу, – через его законных представителей. На имя законных представителей (администрации специализированного учреждения) должностное лицо присылает повестку, и именно на них лежит обязанность обеспечить явку. По ст. 164 УПК РФ время явки лица, не достигшего 18 лет, не должно быть ночным. За исключением случаев, не требующих отлагательств, все следственные действия осуществляются в дневное время.

О допуске к участию в производстве по уголовному делу законного представителя (представителя учреждения) следователем выносится соответствующее постановление. Оно оглашается ему перед началом следственного действия и следователь разъясняет права, обязанности и ответственность представителя. После чего производится само процессуальное действие. Некоторая специфика присуща допросу детей и подростков. Так, согласно ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетнего должен длиться не более двух часов, а в общей сложности – не более четырех часов в день. Нельзя в этой связи не согласиться с Ф. Багаутдиновым, который подчеркивал, что «это требование закона делает невозможным

¹ Андриянова О.Ю. Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 79.

² См.: Багаутдинов Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Рос. юстиция. 2002. № 9. С. 21; Макаренко И. Заключение под стражу и производство некоторых следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Законность. 2004. № 6. С. 37.

многочасовые допросы несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых, в результате которых многие из них готовы подписать любые протоколы»¹. Е.В. Мищенко указывает на то, что ребенок не способен удерживать внимание более 40–45 минут, предлагает в ч. 1 ст. 425 УПК внести следующие изменения: «Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 40 минут, а в общей сложности более 4 часов в день»². Это также может быть распространено и на несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Возможность присутствия на допросе родителя (другого законного представителя) является средством обеспечения прав и законных интересов ребенка. Так, по замечанию Э.Б. Мельниковой, «участие законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе связано с двумя обстоятельствами: 1) с неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) с тем, что законный представитель несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего»³.

В ст. 425 УПК РФ закреплено право следователя отстранить представителя несовершеннолетнего от участия в производстве по делу в случае, если есть основания полагать, что он действует в ущерб интересам подозреваемого (обвиняемого) или следствия. Он может быть отстранен временно (на одно следственное действие) или на весь срок. Вместо него в дело может вступить другой родитель. К подобным случаям можно отнести, например, ситуацию, когда следователь (прокурор, судья и т.д.) видит, что в присутствии родителя ребенок или подросток испытывает стыд, страх, отвечает на вопросы или выстраивает свой рассказ в соответствии с реакцией матери или отца и др.

В допросе лица, не достигшего 16 лет либо достигшего, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательным является участие педагога или психолога. Его участие в процессе обеспечивает следователь (дознатель) или прокурор по своему усмотрению или ходатайству

¹ Багаутдинов Ф. Указ. соч. С. 21.

² Мищенко Е.В. Процессуальные и психологические особенности допроса несовершеннолетних обвиняемых // Вести. ОГУ. 2005. № 3. С. 139–142.

³ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М., 2001. С. 86.

сторон. Целью такого участия является установление психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым). Педагог или психолог наделен правом задавать вопросы несовершеннолетнему, знакомиться с протоколом допроса, делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей.

Формулировка «педагога *или* психолога» не ставит следователя в строгие рамки и дает ему возможность действовать в соответствии с ситуацией. Например, если подросток учится в учебном заведении, то педагог может быть приглашен оттуда. Для установления психологического контакта с допрашиваемым, по нашему мнению, целесообразно пригласить педагога, с которым ребенок знаком, в идеале – хорошо (уважительно) относится, доверяет. Если же несовершеннолетний не учится, пригласить можно бывшего педагога или психолога. Так, из практики известен случай, когда на допрос был приглашен тренер спортивной секции по борьбе, где занимался спортом несовершеннолетний правонарушитель. Сильный, волевой тренер являлся непререкаемым авторитетом в группе подростков, пользовался огромным уважением. В его присутствии допрашиваемый почувствовал себя гораздо более защищенным, стал спокойнее и охотнее давать показания. Таким образом, приглашение на допрос педагога, знакомого с несовершеннолетним, может способствовать более доброжелательной атмосфере допроса. Если это условие выполнить невозможно, тогда может быть приглашен другой педагог или психолог. Участие педагога или психолога будет также полезно при производстве других процессуальных действий, особенно тех, в которых участвует взрослый.

Невозможно не отметить, что до сих пор нет единого мнения среди ученых о правовом статусе психолога (педагога), а также необходимости и целесообразности участия в уголовном процессе. Одни авторы утверждают, что более полезными при допросе будут знания не педагога, а именно психолога. Он может помочь правильно сформулировать вопросы, избежать лжесвидетельства, добросовестного заблуждения несовершеннолетнего и т.д.¹ Другие, напротив, утверждают, что «необходимость учета

¹ Матвеев С.В. Актуальные вопросы правового статуса психолога и педагога в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних // Рос. судья. 2002. № 3. С. 39.

возрастных особенностей психики несовершеннолетних требует участия педагога. Отсутствие его может создать известную неполноту в проведении допроса и отразиться на его качестве»¹. Доводы представителей обеих точек зрения заслуживают внимания. На наш взгляд, кого приглашать на допрос (или другие следственные действия), должен решать следователь, исходя из ситуации совершения преступления (например, при совершении преступлений с особым цинизмом, с участием взрослого подстрекателя и т.п.), личности несовершеннолетнего, его интересов.

А.С. Ойдуп,
магистрант ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»

Социально-психологическое изучение «администраторов групп смерти» и особенности их допроса в качестве подозреваемых

Впервые в средствах массовой информации подняли вопрос о пропаганде совершения суицидов в сети Интернет в конце 2015 г. Самая популярная социальная сеть – «ВКонтакте», в которой насчитывалось не менее 1500 групп с информацией о способах совершения самоубийства, а также видеоролики со сценами подростковых самоубийств, представлявших как героический поступок и способ решить все жизненные проблемы. Вступить в группу мог любой человек². Как отмечает Н.Н. Ильин, несовершеннолетние совершают самоубийство не из-за того, что имеют отношение к определенной субкультуре или увлекаются сайтами и форумами по пропаганде и одобрению суицидов, а потому, что принадлежность к таким группам или аморальные за-

¹ Мельникова Э.Б. Участие специалиста в следственных действиях. М., 1964. С. 77–78.

² См.: В России действует организованная группа, доведшая до самоубийства через Интернет не менее 130 детей // Информационный портал русского имперского движения. 17.05.2016. URL: <http://w.rusimperia.info/news/id27406.html> (дата обращения: 20.10.2017).

нения приводят к формированию у подростка интереса к суициду¹. По мнению М.А. Стародубцевой, всплеск активности так называемых кураторов вызван вспыхнувшей на сегодняшний день волной интереса к «группам смерти». Как только о «группах смерти» начали активно писать и говорить, множество людей заинтересовались подобным контентом². Мы считаем, что это является одним из негативных последствий интернет-пространства, виртуальной реальности в социальных сетях, которая стала частью жизни современного человека. Рано или поздно данная проблема заявила бы о себе, поскольку действия пользователей выходят из-под контроля государства. Это является малоизученной и незнакомой сферой для сотрудников правоохранительных органов.

Но активное влияние сети Интернет на поведение несовершеннолетних, в том числе и суицидальное, бесспорно. Большинство авторов рассматривают данный вопрос с точки зрения пробелов уголовного законодательства³. Неоднократно поднималась проблема квалификации преступного деяния в отношении администраторов групп, которые доводили несовершеннолетних до самоубийства⁴. После чего в УК РФ были внесены соответствующие изменения, позволяющие привлекать данных лиц к ответственности⁵. Однако остается открытым главный вопрос, а именно: как работать с обвиняемым, с человеком, который создал эти «группы смерти». Что следует учитывать следователю при допросе данных лиц?

¹ См.: Ильин Н.Н. Влияние сети Интернет на формирование суицидального поведения у несовершеннолетних // Юрид. психология. 2016. № 4. С. 32.

² См.: Стародубцева М.А. Куратор «группы смерти» – новый флагман молодежного экстремизма: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 215.

³ См.: Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всерос. кримин. журн. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.

⁴ См., напр.: Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголов. право. 2016. № 4. С. 48.

⁵ См.: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СПС «КонсультантПлюс».

В одном из интервью 22-летний Ф.Б., который был администратором «группы смерти», так объяснил причину создания группы в социальной сети «ВКонтакте»: «Есть люди, а есть биомусор. Это те, кто не представляет никакой ценности для общества и несет или принесет обществу только вред. Я чистил наше общество от таких людей». По его словам, с собой покончили 17 подростков. Однако доказать вину Б. удалось лишь по тем эпизодам, которые связаны с выжившими детьми. Люди, знакомые с его семьей, рассказывают, что парень учился в школе для неуспевающих подростков и не имел друзей, а в семье часто бывали скандалы. В интервью он также заявил, что имеет биполярное расстройство личности, а вся его деятельность напрямую связана с «тяжелым детством». Примечателен тот факт, что он не боится наказания и отметил, что ему удалось избежать содержания статей, т.е. он знал, что в УК РФ нет статьи, по которой можно было бы привлечь его к уголовной ответственности. Он говорил в интервью, что жертвы умирали счастливыми, потому что он дарил то, чего у них не было в реальной жизни: тепло, понимание, общение. Как видно, Ф.Б. концентрирует свои мысли на личной исключительности и важности для общества, оповещает окружающих о своей гениальности и уникальности, что может указывать на психическое расстройство и требует тщательного изучения специалистами. При допросе Ф.Б. необходимо было знать и учитывать чрезвычайно разнообразные психологические факторы, определяющие его позицию при даче показаний, его отношение к предъявленному обвинению и заданным вопросам. В данном случае следователи имели дело с человеком, который создал алгоритм работы с наиболее уязвимыми пользователями Интернета – подростками.

Практика расследования по подобным делам достаточно скудная. Так, 27 сентября 2017 г. в Волгоградской области по подозрению в ведении переписки был задержан 23-летний безработный. Встречаются случаи, когда кураторами «групп смерти» являлись сами подростки. Например, полиция установила несовершеннолетних администраторов «групп смерти» в социальных сетях во Владимирской, Нижегородской и Самарской областях. В Самарской области куратором оказалась восьмиклассница из Тольятти, во Владимирской области – 14-летний подросток,

а в Нижегородской – 14-летняя школьница¹. Однако из-за того, что «кураторы» не достигли возраста уголовной ответственности, их ставят на профилактический учет, ведут работу с родителями, какую именно – неизвестно, а некоторых правонарушителей помещают в центры временного содержания для малолетних. В соответствии с УПК РФ следователь ведет работу с несовершеннолетними обязательно в присутствии педагога или психолога. А при достижении ими шестнадцатилетнего возраста – по усмотрению следователя. Дача показаний как волевой и сознательный акт отражает реакцию на реальную ситуацию, в которой он оказался к моменту дачи показаний. Создание «групп смерти» несовершеннолетним может свидетельствовать о его нездоровом психическом состоянии, на что следователю необходимо обратить внимание. С этой целью ему следует привлечь специалистов. Результаты работы стоит систематизировать с целью предотвращения новых подобных инцидентов, в школах проводить мониторинг работы психологов и социальных педагогов, вводить новые уроки, направленные на нравственное воспитание детей. Возможно, это понизит число несовершеннолетних, занимающихся ведением «групп смерти».

Еще одним известным куратором «групп смерти», которого задержали, является И.С. Однако есть мнение о том, что он не причастен к инкриминируемым ему деяниям, его адвокат утверждал о том, что переписка с девушкой была позже дня, когда она пыталась совершить самоубийство. И.С. вычислили по банковской карточке, номер которой он указал в переписке, чтобы та отправила денег². Он занимался вымогательством денежных средств, а это не доведение до самоубийства, а совсем иное преступление. Если посмотреть видео³, он дает показания и отвечает очень кратко. И.С. скорее оговаривает себя, нежели дает правдивые показания. Одной из причин самоговора может быть при-

¹ См.: Официальный сайт «Вести.ру». URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2930807> (дата обращения: 27.10.2017).

² См.: Дело «Синего кита». URL: https://www.znak.com/2017-09-19/eksklyuzivnye_podrobnosti_ugolovnyh_del_o_kuratorah_suicidalnyh_grupp_v_chelyabinske (дата обращения: 27.10.2017).

³ См.: Официальный сайт 1 канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-06-08/326733-predpolagaemyy_organizator_gruppy_smerti_zaderzhan_v_moskve_i_otpravlen_v_chelyabinskuyu_oblast

менение следователем незаконных методов допроса, а также стремление избавиться от уголовной ответственности соучастников и взять на себя их вину или неблагоприятная процессуальная обстановка, т.е. доказательства, создающие впечатление виновности лица¹. Как отмечают следователи, еще одной проблемой является то, что до сих пор неизвестно, «было ли это обыкновенным садизмом или заказной работой». По мнению Н.А. Ратиновой, такие «характерологические особенности, как замкнутость, застенчивость, подозрительность, недоверчивость субъекта, подвергаемого допросу, равно как и испытываемые им выраженные эмоции – страх, волнение, гнев могут препятствовать продуктивной работе с ним»². Указанная информация является основой для установления психологического контакта с допрашиваемым, построения оптимальной тактики допроса. Все это зависит от следователя. И.С. признал полностью свою вину, но есть факты, опровергающие его причастность к совершенному деянию. В данном случае речь идет о неэффективной работе органов следствия. Расследование подобных преступлений и разработка мероприятий по их предупреждению должны осуществляться правоохранительными органами в постоянном контакте с криминологами, педагогами, психологами, психиатрами.

Таким образом, привлечение вышеуказанных кураторов «групп смерти» к уголовной ответственности не решило и не могло решить проблему суицида среди несовершеннолетних. Из-за слабого регулирования государством виртуальной реальности многие подростки оказались жертвами людей, пользующихся возможностями Интернета, для личных целей. На данный момент одной из них является доведение до самоубийства. Важной психологической проблемой является мотивация поведения обвиняемого на следствии и в суде. Но работники следствия, как правило, главное внимание сосредоточивают на получении признания как лучшего доказательства при безразличном отношении к средствам, при помощи которых эти признания достигаются. Следователю необходимо внимательно исследовать социально-

¹ См.: *Петрухин И.* Самооговор // Сов. юстиция. 1979. № 13.

² См.: *Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской.* М.: Юрлитинформ, 2011. С. 161.

психологические особенности допрашиваемого лица, условия его жизни, учебы, работы, чтобы настроить себя на установление психологического контакта. От допроса зависит дальнейшее движение и раскрытие уголовного дела, поскольку в делах о доведении до самоубийства решающую роль играет именно субъективная сторона преступления. Для этого необходимо объединить профессионализм психологов и следователей. УПК РФ требует присутствия психологов только при допросе несовершеннолетних, однако, как видно, появились лица, называемые администраторами «групп смерти», с которыми возможно установить психологический контакт лишь с помощью психологов.

Н.А. Ратинова,
ведущий научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат психологических наук

Психология отрицания вины и самооправдания обвиняемого

В правоприменительной практике достаточно часто возникают ситуации, когда лица, обвиняемые в совершении преступления, отрицают свою вину либо признают ее частично. Следует подчеркнуть, что смысловое наполнение категории «вина» в уголовном праве и психологии принципиально различно. В уголовном праве вина определяется как «психическое отношение к деянию и его последствиям». Понятие «психическое отношение» перенесено из концепции отношений Лазурского, Бехтерева, Мясищева, разработанной в начале XX в.¹ В современных работах по психологии этот термин практически не используется.

¹ Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М., 1960. Ч. 2; *Его же*. Социальная психология и психология отношений // Проблемы общей психологии. М., 1965. С. 98.

Вина в уголовном праве объективируется в действиях субъекта, определяется извне, она устанавливается в ходе расследования и судебного разбирательства и приписывается субъекту, который по решению суда признается виновным в совершении преступления. При этом применяется термин «виновность», но наряду с этим используются формулировки «обвиняемый признал свою вину», «вина доказана» и т.д.

Заметим, что в ряде случаев сам субъект виновным себя может не только не признавать, но и не считать (и не быть таковым в случае судебной ошибки). Это противоречие отмечалось и самими правоведами. Не случайно в теории уголовного права существовала впоследствии отвергнутая концепция «двух вин», основанная на том, что термин «вина» в теории и на практике употребляется в двух различных значениях. В концепции уголовного права он означает наличие в совершенном деянии умысла или неосторожности, а в судебной и следственной практике вина понимается как доказанность факта совершения преступления конкретным лицом.

В настоящее время отечественные правоведы в большинстве своем придерживаются так называемой «психологической теории вины», понимаемой как отношение субъекта, совершившего преступления к правоохраняемым ценностям. Один из ведущих теоретиков уголовного права А.И. Рарог так определяет ее: «Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших ценностей общества»¹.

Отрицая вину в ее уголовно-правовом значении, субъект использует заpiration, отрицание содеянного. То есть умышленно обманывает, целенаправленно пытается создать у окружающих ложное представление о тех или иных обстоятельствах дела, чтобы избежать уголовной ответственности или смягчить наказание. При этом он полностью осознает то обстоятельство, что в своих показаниях намеренно искажает либо замалчивает известные ему сведения. Даже в тех случаях, когда причастность

¹ Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть. М.: Эксмо, 2009.

лица к преступлению полностью доказана, обвиняемый может выстраивать (как самостоятельно, так с помощью адвоката) линию защиты, направленную на то, чтобы представить ситуацию преступления, действия ее участников и собственную в ней роль в наиболее благоприятном свете.

Следует отметить, что и признание лицом предъявляемого ему следствием и судом обвинения не тождественно его субъективному согласию с ним. Признание вины отнюдь не означает, что субъект действительно считает себя виноватым в содеянном, оно может быть обусловлено целым спектром причин, в том числе весьма утилитарного характера. Прагматическими соображениями может быть вызвана и такая линия поведения, как самооговор – ложное признание вины в совершении преступления, которое в действительности данным субъектом не совершалось, о чем он в подавляющем большинстве случаев (за исключением добросовестного заблуждения) отлично осведомлен.

Таким образом, как признание, так и отрицание вины являются внешними формальными актами социального взаимодействия субъекта со следствием и судом. Их внутреннее наполнение, мотивация весьма разнообразны и могут быть крайне далеки от искреннего раскаяния в содеянном.

Совершенно иной, отличный от уголовно-правового смысл имеет понятие вины в психологии. Она определяется как эмоциональное переживание недовольства собой, связанное с осознанием несоответствия между собственной деятельностью (как внешней, так и внутренней) и принятыми субъектом правилами социального взаимодействия, моральными нормами. Вина в психологии относится к числу внутренних регуляторов социального поведения.

Вина не зависит от реального или предполагаемого отношения окружающих, внешних, в том числе правовых, санкций. Это собственное внутреннее самоосуждение, угрызения совести, раскаяние. В отличие от правового понимания вина с точки зрения психологии может переживаться не только за действия (или бездействие), но и за мысли, чувства, фантазии. Чувство вины может вообще не иметь объективных оснований.

Еще одним существенным различием правового и психологического понимания вины является временное. В уголовном

праве под виной понимается субъективная реальность, имевшая место в период подготовки или в момент совершения преступления. То есть она предшествует и сопровождает криминальное поведение. Отношение к уже совершенному деянию и его последствиям (раскаяние, сожаление), явка с повинной в правовое понятие вины не входит, а может быть учтено лишь как смягчающее вину обстоятельство¹. В психологии же понятие вины соотносится не с подготовкой или реализацией деяния, а с последующим периодом времени. Человек винит себя за что-то уже состоявшееся.

Для возникновения чувства вины необходимо внутреннее принятие личностью внешних стандартов поведения и их оценки. В процессе социализации индивида они усваиваются, интериоризируются, переходят во внутренний интрапсихический план, становятся собственными регуляторами социального поведения человека. Формируется структура, которая в психоанализе обозначается как «Супер Эго», в этике – совесть, в психологии – система ценностей, нравственных норм.

Именно эти высшие психические образования осуществляют моральную цензуру, оценку поступков или намерений человека. Он испытывает вину, если нарушает собственные внутренние запреты. При этом чувство вины является крайне тягостным – не случайно говорят «муки, угрызения совести». Переживание вины может иметь различную интенсивность; оно может быть конструктивным, сопровождаясь стремлением искупить или исправить последствия проступка, а может носить деструктивный характер, вплоть до патологических симптомов, бреда самообвинения.

Необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: современный социум крайне неоднороден. В настоящее время не существует (за небольшим исключением) единой для его членов системы моральных норм, принимаемых всеми и каждым правил социального взаимодействия, однозначных представлений о том, «что такое хорошо, а что такое плохо», да и отношение к правовым запретам и предписаниям в российском обществе тоже достаточно неоднозначно. Широкое распространение правового ни-

¹ Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб., 2013. С. 156.

гилизма, «двойных стандартов» в российском обществе отмечается большинством специалистов.

Формирующую систему внутренних норм и ценностей субъекта воздействие происходит не непосредственно со стороны общества в целом. Влияние идет от микросоциума, ближайшего окружения, референтных групп, моральных авторитетов, реально взаимодействующих с человеком или идеальных. Именно на эти эталоны субъект ориентируется в первую очередь, с ними соотносит собственные действия. Соответственно, он будет переживать чувство вины, если совершенное им противоречит морально-этическим представлениям его референтной группы. Если же эти представления отличаются от общепринятых, то переживание вины за совершенное преступление не наступает¹.

Представляет значительный интерес интрапсихический аспект отрицания вины в том смысле, как понимают этот феномен психологи. Для юридической психологии важно понять, как человек, действительно совершивший преступление, оправдывается не перед другими, а перед самим собой, перед своим внутренним судом, устраняет или ослабляет субъективное переживание вины. Каким образом преступник, нарушивший моральные и правовые запреты, пренебрегает негативной социальной оценкой своих действий и личности, сохраняет относительный душевный комфорт и самопринятие? Здесь мы сталкиваемся с действием психологической защиты, проявляющейся в форме механизмов самообмана и самооправдания.

Термин «психологическая защита» был введен З. Фрейдом. Первоначально концепция психологической защиты развивалась в рамках психоаналитической теории. Позднее представители различных научных школ (экзистенциальная психология, гештальтпсихология, гуманистическая психология) также обращались к этому понятию, по-разному интерпретировали, модернизировали его в рамках собственного подхода, расширяли перечень механизмов психологической защиты, описывая все новые виды и формы. К настоящему времени отсутствует единство взглядов ученых (как зарубежных, так и отечественных) относительно числа таких механизмов, авторы расходятся и в отноше-

¹ *Ахмедшин Р.Л.* Юридическая психология: курс лекций. Томск, 2011. С. 215–219.

нии того, считать ли ее адаптивной или дезадаптивной, не существует общепринятой дефиниции самого понятия психологической защиты.

Тем не менее в наиболее общем виде ее можно определить как систему регуляторных механизмов психики, действующих на неосознаваемом уровне и направленных на устранение или ослабление психотравмирующей информации, вызывающей переживания тревоги, стыда, вины, гнева. Психологическая защита включается в ситуациях, характеризующихся реальной или кажущейся угрозой целостности личности, ее идентичности. Она направлена на сохранение стабильности самооценки личности, ее образа «Я» и образа мира и выступает способом создания субъективно воспринимаемой стабильности и нормализации состояния личности¹.

Очевидно, что ситуация уголовного преследования является для субъекта субъективно травматичной, сложной, остро фрустрирующей, вызывает целый ряд негативных переживаний, носящих длительный, пролонгированный характер. Для человека, совершившего преступление, возникает реальная угроза личностно значимым ценностям, реальная перспектива утраты свободы, статуса, крушения жизненных планов и перспектив, отказа от привычного уклада жизни, ограничения связей с близкими и т.д. В этих условиях мобилизуются и включаются на полную мощность все имеющиеся у человека ресурсы психологической защиты, задействуются специфические механизмы, направленные на преодоление чувства вины за содеянное, самооправдание. Большинство из них представляют собой разновидности хорошо известного в психологии механизма рационализации.

Рационализация заключается в приписывании своему поведению псевдоразумных объяснений и причин своих поступков, на самом деле вызванных мотивами, осознание которых личностно травматично или неприемлемо для человека. При этом реальные мотивы остаются неосознанными и вместо них индивид изобретает мотивировки, защитную аргументацию для оправдания собственных действий. От сознательного обмана защитная

¹ Субботина Л.Ю. Психология защитного поведения. Ярославль, 2006.

аргументация отличается произвольностью своей мотивации и искренней верой субъекта в то, что он говорит правду¹.

Следует отметить, что значительная часть лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, не отвергают целиком и полностью социальные и правовые нормы как таковые, не создают собственную альтернативную систему типа «воровского закона». Теоретически признавая справедливость большинства имеющихся правил социального взаимодействия и правовых запретов «для других», они с помощью механизмов самооправдания представляют свою ситуацию исключительной, уникальной, не подпадающей под их действие.

А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова на основе проведенных теоретических и эмпирических исследований установили, что большинство преступников, формально признавая социальную значимость права, «самоотчуждается» от регулятивного влияния его норм с помощью механизмов психологической защиты, которые снижают или вовсе снимают действие социального контроля². Они описывали ряд специфических механизмов самооправдания, действие которых позволяет преступникам сохранять позитивное самоотношение, минимизировать переживание стыда, вины. В современном виде они могут быть обозначены следующим образом.

1. *Когнитивно-перцептивная защита*. Искажение картины криминального события, преувеличение значимости ее отдельных элементов, сочетающееся с преуменьшением роли других.

2. *Атрибуция ответственности*. Приписывание ответственности за совершенное преступление внешним причинам, непреодолимому стечению неблагоприятных обстоятельств или враждебным действиям других лиц (в том числе потерпевших). Собственные поступки расцениваются как вынужденные, субъект воспринимает себя как жертву ошибки, обмана или внешних воздействий, не зависящих от его воли и желания.

¹ Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М., 2010. С. 221.

² Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 44–63.

3. *Девальвация правоохраняемых ценностей.* Обесценивание личности жертвы, приуменьшение вреда, причиненного преступными действиями, отрицание тяжести наступивших последствий.

4. *Дискредитация законодательных норм.* Убежденность в формальном и необязательном характере правовых предписаний, незначимости нарушенных запретов.

5. *Героизация собственных действий и облагораживание побуждений.* Приукрашивание собственных поступков и своей роли в событии преступления, приписывание «высоких» побуждений и социально одобряемых мотивов, побудивших к совершению инкриминируемого деяния.

6. *Гипертрофия значимости собственной личности.* Искаженное представление о себе, неадекватно завышенная самооценка, позиция «сверхчеловека», стоящего несоизмеримо выше окружающей «серой массы», над социумом, его законами и нормами¹.

Учитывая объективную сложность для субъекта судебной следственной ситуации, понятно, что механизмы самооправдания не способны в полной мере блокировать отрицательные переживания. Тем не менее они способствуют тому, что обвиняемый оказывает противодействие расследованию, отказывается признавать вину за содеянное, а будучи осужденным к лишению свободы, считает приговор суда в отношении него несправедливым или излишне жестким.

Реализация мотивов самооправдания приводит к искаженной интерпретации и оценке криминальной ситуации, собственного преступного поведения и его причин. В результате достигается некоторый внутренний баланс и самореабилитация, которые позволяют противостоять социальным требованиям и санкциям, сохранять самоуважение и позитивное самоотношение.

Однако подобная неосознаваемая «лакировка действительности» имеет ряд негативных аспектов. Установлено, что чем более мощным и длительным является действие механизмов психологической защиты, тем менее адекватным становится восприятие окружающей действительности и собственной личности, менее

¹ *Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М., 2011. С. 336–338.*

адаптивным и гибким становится поведение. Самооправдание преступника препятствует критической оценке собственного преступного поведения, его причин и мотивов, не позволяет осознать свои ошибки, сделать конструктивные выводы из случившегося, что в свою очередь повышает вероятность рецидива преступления.

Правоприменителям следует учитывать действие механизмов самооправдания при оценке показаний обвиняемого, поскольку они могут в значительной степени исказить сообщаемые им сведения, причем в отличие от сознательной лжи осуществлять это вне осознанных намерений субъекта.

Н.Ю. Решетова,
старший научный сотрудник
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации

Психологические аспекты поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей

Поддержание государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела судом – одно из важнейших направлений деятельности прокурора. Как подчеркнул в одном из своих определений Конституционный Суд Российской Федерации, прокурор в судебном разбирательстве – единственная процессуальная фигура, выполняющая функции уголовного преследования со стороны государства¹. При этом очень важно отметить, что государственный обвинитель, поддерживая государственное обвинение, обязан обеспечить его законность и обоснованность.

Особенно сложна процессуальная функция прокурора в суде с участием присяжных заседателей. Чтобы выполнить стоящую перед ним задачу – убедить не сведущих в правовых тонкостях людей в правильности своей позиции, в обоснованности предъ-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

явленного подсудимому обвинения, прокурор должен не только умело и в заранее продуманном порядке представлять доказательства обвинения, но и, отстаивая свои выводы, аргументированно и эффективно вести полемику со стороной защиты. Для этого он должен обладать высоким уровнем не только правовой, но и общей культуры и, разумеется, быть вооруженным необходимыми психологическими знаниями.

Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей связано с необходимостью учета многих психологических факторов, в том числе знания особенностей психической деятельности или так называемого человеческого фактора у присяжных заседателей, которые выносят свой вердикт на основе здравого смысла и совести. При этом здравый смысл выступает как интеллектуальная, а совесть – как нравственная основа вынесения присяжными заседателями решения по рассматриваемому с их участием делу. Важно также отметить, что те психологические знания, которыми необходимо обладать прокурору, чтобы его деятельность была успешной, должны соотноситься с конкретным этапом участия прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела: формирование коллегии присяжных заседателей, произнесение вступительного слова, допрос потерпевших и свидетелей, предъявление присяжным заседателям вещественных доказательств, выступление с обвинительной речью, репликой.

Очевидно, что характер взаимодействия прокурора с участниками процесса в судебном заседании с такой формой судопроизводства в сравнении с общим порядком судебного разбирательства усложнен. Если при разбирательстве уголовного дела с одним судьей или даже с коллегией, состоящей из профессиональных судей, общение государственного обвинителя с защитником и судом может носить профессиональный характер (использование малопонятной для непосвященных специальной терминологии, принятых сокращений, ссылка лишь на номер соответствующих статей уголовного и уголовно-процессуального кодексов без изложения их содержания), то при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей такое общение прокурора с ними будет восприниматься ими как непонятное, осуществляющееся на недоступном им языке. Поэтому в суде с

участием присяжных заседателей прокурору необходимо изменить всю свою систему отношений с участниками процесса, в том числе тогда, когда он возражает адвокату, когда делает то или иное заявление, обращается с ходатайствами к председательствующему и т.д. Его действия должны быть понятны присяжным заседателям, им должно быть ясно, с какой целью прокурор вызывает в суд свидетеля, обращается с ходатайством к судье, совершает иные, предусмотренные законом действия. Иными словами, они должны осознавать цель всех действий государственного обвинителя, их содержание и значение.

И все же, как представляется, есть один психологический аспект, который единой нитью связывает деятельность прокурора на всех этапах судебного разбирательства, – это формирование у присяжных заседателей положительного образа самого государственного обвинителя или, как чаще говорят теперь, – **положительного имиджа прокурора**. Разумеется, присяжные заседатели могут признать доказанным обвинение и тогда, когда государственный обвинитель по тем или иным причинам не вызвал у них симпатий. И все же... Исследователи давно заметили, что фактор расположения и доверия к выступающему (в судебном процессе – к прокурору или адвокату) в значительной степени определяет способность этого лица убедить слушателей в своей правоте. Психологически объясняется это просто: при прочих равных условиях люди легче соглашаются с позицией того человека, который вызывает у них эмоционально-позитивное чувство и, наоборот, труднее принимают (или даже отвергают) позицию того, кому они не доверяют.

Разумеется, стремление (и умение) завоевать расположение присяжных заседателей должно проявляться на протяжении **всего** судебного разбирательства и с самого **первого появления** прокурора еще перед кандидатами в присяжные заседатели. Как прокурор одет и причесан, как он говорит, как обращается к явившимся в судебное заседание кандидатам в присяжные заседатели, к другим участникам процесса, к судье – все это будет иметь значение для формирования первого и очень важного впечатления присяжных заседателей о прокуроре («*у вас не будет второго шанса произвести первое впечатление*»).

И второе, исключительно значимое с психологической точки зрения обстоятельство, которое тоже имеет отношение ко всем этапам прокурорской деятельности в суде с участием присяжных заседателей, хотя у разных прокуроров оно проявляется в разной степени и по-разному, – это *«преодоление самого себя»*. Робость, даже страх свойственны почти всем людям, выполняющим свою работу публично, однако без формирования необходимой уверенности в своей правоте сложно убедить в обоснованности своей позиции других людей. Деятельность же прокурора в суде с участием присяжных заседателей всегда носит публичный и в то же время состязательный характер (при рассмотрении судом каждого уголовного дела обвинению противостоит защита от обвинения).

Очевидно также, что для формирования в себе уверенности в обоснованности обвинения и, следовательно, в правоте своей позиции прокурору необходимо:

а) тщательно подготовиться к судебному заседанию, изучить материалы уголовного дела, действующее законодательство и судебную практику;

б) спланировать стратегию и тактику государственного обвинения, определить оптимальный порядок предъявления и исследования доказательств в ходе судебного следствия, допроса подсудимого и свидетелей со стороны обвинения;

в) самым активным образом участвовать в судебном следствии;

г) особенно серьезно готовиться к выступлению с обвинительной речью.

Говоря о психологических аспектах участия прокурора в суде с участием присяжных заседателей, важно отметить, что объективно деятельность прокурора в судебном заседании сама по себе содержит ряд психологических сложностей, связанных с процессуальной функцией, которую он выполняет в судебном заседании. С одной стороны, прокурор, осуществляя уголовное преследование в суде, выступает в качестве государственного обвинителя. Следовательно, он должен стремиться к тому, чтобы подсудимый, в отношении которого в ходе предварительного следствия собраны изобличающие его доказательства, был признан виновным в совершении преступления и понес заслуженное

наказание. Именно в этом, казалось бы, должно заключаться основное предназначение прокурора в уголовном судопроизводстве, основная задача его деятельности в суде. Но, с другой стороны, в отличие от адвоката, выступающего в процессе исключительно в защиту подсудимого, прокурор в суде – это прежде всего представитель государства («специальный представитель государства в уголовном судопроизводстве»). Как уже отмечалось, он обязан не только поддерживать обвинение, сформулированное и предъявленное органами предварительного расследования, но также обеспечивать и его законность и обоснованность. Прокурор должен сохранять объективность и беспристрастность, он не только имеет право, но по смыслу закона обязан отказаться от обвинения в той части, в которой оно не нашло подтверждения в ходе судебного следствия (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Эти, на первый взгляд, противоречивые требования, определяющие психологические особенности позиции прокурора в суде, могут явиться и причиной внутреннего конфликта, когда в душе прокурора возникает борьба между двумя противоречащими друг другу ролевыми позициями – «обвинителя» и «арбитра, беспристрастно оценивающего доказательства виновности подсудимого». С психологической точки зрения это очень сложно, поскольку требует от прокурора серьезной внутренней перестройки, преодоления сложившихся стереотипов, наличия у прокурора таких качеств, как объективность, принципиальность, справедливость. Развитие такого конфликта, стремление каким-то образом разрешить возникшее противоречие нередко приводит к развитию у него психического напряжения, стресса. При этом нельзя забывать и о том, что органы прокуратуры составляют единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим. А из этого следует, что государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, надлежит докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение (п. 8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»). При этом очень важно отметить, что учитывая особую значимость формирования позиции государственного об-

винителя на основе его внутреннего убеждения, сложившегося по результатам судебного следствия, в том же пункте приказе указано: «Считать недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами».

Между тем сопоставление числа подсудимых, в отношении которых государственные обвинители отказывались от обвинения (в 2016 г. – 68), с количеством подсудимых, которые вопреки позиции обвинения были оправданы судом (в 2016 г. – 995), свидетельствует о том, что прокуроры не всегда умели находить должный выход из этого противоречия и во многих случаях продолжали настаивать на обоснованности обвинения и при отсутствии достаточных доказательств, подтверждающих такой вывод.

В связи с особенностями судебной процедуры с участием присяжных заседателей отказ (частичный отказ) прокурора от обвинения имеет свою специфику, в том числе связанную с психологическими аспектами деятельности прокурора. Правда, само заявление об отказе от обвинения (в том числе и от части обвинения) как имеющее правовой характер должно быть сделано в отсутствие присяжных заседателей. Однако после возвращения присяжных заседателей в зал судебного заседания им должно быть разъяснено, что уголовное дело прекращено судом в связи с отказом прокурора от обвинения (п. 2 ст. 254 УПК РФ). Равным образом при произнесении обвинительной речи государственно-му обвинителю надлежит поставить в известность присяжных заседателей, почему изменилась его позиция в части объема предъявленного подсудимому обвинения в сравнении с тем обвинением, которое он указывал во вступительном заявлении.

На практике в подобных случаях опытные прокуроры обращают внимание присяжных заседателей на то, что подобный отказ – не слабость, а, наоборот, объективность обвинения, что прокурор не заинтересован в том, чтобы отстаивать выводы обвинительного заключения во что бы то ни стало, и поддерживает перед присяжными лишь то обвинение, в котором он уверен и которое, по его глубокому убеждению, полностью подтверждено доказательствами.

В процессе исследования доказательств в судебном заседании государственному обвинителю следует учитывать, что присяжные заседатели иначе чем профессиональные судьи подходят к оценке предъявляемых доказательств. Они исходят из своего житейского опыта, не подкрепленного специальными юридическими знаниями, из личных взглядов и убеждений, которые часто у разных членов одной и той же коллегии присяжных заседателей различны, равно как различен и уровень их правосознания.

В некоторых ситуациях присяжные могут значительно критичнее, чем профессиональные судьи, отнестись к оценке доказательств, изобличающих обвиняемого. Все недочеты предварительного следствия становятся наиболее наглядными именно в суде с участием присяжных заседателей. Эти недоработки в большей мере могут повлиять на вердикт коллегии присяжных, чем на решение судьи – профессионального юриста, обладающего специальными комплексными знаниями. Однако хорошо продуманная и логически четко выстроенная последовательность предъявления доказательств обвинения, активное и умелое участие прокурора в судебном следствии являются основой для убедительного аргументирования прокурором своих доводов.

Общение с другими участниками судебного процесса (судьей, присяжными заседателями, адвокатом, подсудимым, потерпевшим, свидетелями, экспертами) – важнейшая часть деятельности государственного обвинителя, в которой психологические моменты играют самую важную роль.

Учитывая, что речь идет о судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей, которые и будут принимать решение о доказанности или недоказанности обвинения, государственный обвинитель должен обладать комплексом психологических знаний, определяющих: 1) закономерности восприятия и оценки информации правового характера непрофессиональными участниками процесса; 2) механизмы и приемы оказания убеждающего воздействия на них; 3) особенности принятия решения группой лиц; 4) степень возможного влияния лидера – члена группы на принятие решения коллегией присяжных заседателей.

Говоря об общении прокурора с другими участниками судебного разбирательства, еще раз необходимо подчеркнуть публичный характер этого общения. Даже если государственный об-

винитель обращается к какому-то конкретному участнику процесса (например, допрашивает свидетеля), то это происходит в присутствии присяжных заседателей и других (иногда – многих) лиц, что определенным образом сказывается на поведении и психическом состоянии участников этого общения, ощущающих внимание присутствующих и их эмоциональный настрой. Этим отношения прокурора в судебном заседании с другими участниками процесса отличаются, например, от официального общения прокурора с опрашиваемыми лицами при осуществлении им надзорной функции, когда общение протекает «лицом к лицу» без посторонних наблюдателей.

Участвуя в разбирательстве уголовного дела, прокурор должен не только сознательно контролировать самого себя, свою речь, свои невербальные проявления, учитывать реакцию присутствующих лиц, но также понимать, что публичный характер его взаимодействия, например, со свидетелями и потерпевшими может оказать влияние не только на поведение и показания этих лиц, но и на формирование мнения присяжных заседателей. Процедура публичного судебного следствия очень часто вызывает у допрашиваемых лиц состояние психической напряженности. Оно может проявляться как в повышенной раздражительности, возбудимости, агрессивности, так и, напротив, в скованности, «зажатости», растерянности, некоторой заторможенности. Излишнее волнение, стресс могут привести к неточности изложения, ошибкам в показаниях. Поэтому прокурору следует осторожно и продуманно формулировать вопросы, ставить их в корректной форме, чтобы сам вопрос не вызвал ненужной реакции ни у допрашиваемого лица, ни у присяжных заседателей. Некорректно же заданный прокурором вопрос вполне может повлиять на оценку присяжными заседателями ответа допрашиваемого лица, и оценка эта может быть не в пользу позиции обвинения.

Прокурор должен уметь распознавать ложность показаний допрашиваемых в судебном заседании лиц, и тут ему поможет психологический портрет лжесвидетеля. То, что допрашиваемое лицо дает неправдивые показания, можно установить по ряду объективных признаков. Ложные показания чаще всего эмоционально бедны, схематичны, заучены, не соответствуют особенностям личности опрашиваемого, копируют показания других лиц.

Лжец затрудняется детализировать события, уклоняется от ответов на прямые вопросы, не знает фактических обстоятельств, о которых должен быть осведомлен в связи с излагаемой им версией, проговаривается об обстоятельствах, о которых ранее умалчивал, и т.д.

Тактика разоблачения лица, дающего ложные показания, предполагает предъявление в противовес им достоверных обвинительных доказательств (в том числе неожиданных для допрашиваемого или в неожиданный для него момент), получение правдивой информации из других проверенных источников, проведение дополнительных, повторных допросов с постановкой соответствующих детализирующих, уточняющих, сопоставительных и контрольных вопросов. При этом все действия прокурора должны быть убедительны, понятны для присяжных заседателей с тем, чтобы они, как и государственный обвинитель, сделали один и тот же вывод: показаниям этого лица доверять нельзя.

Допрос подсудимого в присутствии присяжных заседателей также имеет свою специфику, которую необходимо учитывать прокурору. Ни в коем случае он не должен допускать ни оскорбительных выражений в адрес подсудимого, ни категорических утверждений, что вина его доказана: ведь вердикт о виновности или невиновности подсудимого еще предстоит вынести присяжным заседателям.

Очень важно продумать характер вопросов подсудимому в тех случаях, когда преступление, в котором он обвиняется (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), было совершено на почве имевших место личных отношений при обстоятельствах, которые в целях справедливого разрешения дела требуют оценивать не только поведение подсудимого, но и потерпевшего, особенно если оно в той или иной степени способствовало совершению преступления. Как свидетельствует практика и многочисленные исследования, присяжные заседатели в таких случаях склонны «приписывать» часть вины в случившемся потерпевшему и даже оправдывать его, полагая, что «опаснее по-

грешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы»¹.

Эту психологическую особенность принятия присяжными заседателями решения не может не учитывать прокурор, поддерживающий обвинение. При этом самая большая и очевидная ошибка государственного обвинителя – «замолчать» эти обстоятельства, поэтому при возникновении в суде с участием присяжных заседателей подобной нравственно-конфликтной ситуации государственный обвинитель должен дать правильную оценку общественной опасности совершенного подсудимым преступления. Чтобы в подобных случаях побудить присяжных заседателей к вынесению правильного и справедливого обвинительного вердикта, в обвинительной речи надлежит признать факты, подтверждающие, что совершению преступления способствовали противоправные действия потерпевшего, и затем объективно оценить деяние подсудимого. Прокурор должен разъяснить присяжным заседателям, что сочувствие к подсудимому они могут выразить, признав его заслуживающим снисхождения, необоснованное же оправдание виновного подсудимого из чувства жалости опасно для общества, поскольку формирует у граждан неуважительное отношение к закону и правам человека, поощряет самосуд.

При предъявлении доказательств, участии в допросах и в ходе всего судебного следствия прокурор должен внимательно наблюдать за реакцией присяжных заседателей. Если он поймет, что какое-либо доказательство оказалось для них непонятным, надлежит принять дополнительные меры для того, чтобы присяжные заседатели уяснили суть подтверждаемых доказательством фактических данных.

Чаще всего, говоря о выступлении прокурора с речью при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, имеют в виду обвинительную речь. Действительно, выступление прокурора в прениях сторон с обвинительной речью чрезвычайно важно для формирования мнения присяжных заседателей по вопросу обоснованности предъявленного подсудимому

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».

обвинения. Однако это не единственное его выступление при рассмотрении уголовного дела в такой форме судопроизводства.

Сразу после окончания формирования коллегии присяжных заседателей стороны выступают с вступительными заявлениями, которые предваряют судебное следствие.

Вступительное заявление – это *первое* выступление государственного обвинителя перед присяжными заседателями. К сожалению, его значение для формирования убеждения присяжных заседателей на практике часто недооценивается. Однако именно это выступление призвано сформировать у присяжных заседателей первоначальное впечатление о предъявленном подсудимому обвинении. Во вступительном заявлении прокурор также должен предложить порядок исследования представляемых им доказательств обвинения. Вступительная речь (вступительное заявление) во многом определит отношение к прокурору присяжных заседателей на протяжении всего судебного разбирательства. Если эта речь прозвучала четко, конкретно, если она была понятна присяжным заседателям, то у них сформируется внутреннее убеждение, которое в дальнейшем трудно будет поколебать. При таких условиях вступительное заявление прокурора в начале судебного следствия само по себе является эффективным процессуальным средством убеждения присяжных заседателей.

С другой стороны, нетрудно предугадать впечатление присяжных заседателей от вступительной речи государственного обвинителя, если он, не подготовившись заранее, не отрывая взгляда от бумаги, прочтет изложенную сухим юридическим языком, часто понятным лишь профессионалам, формулировку предъявленного подсудимому обвинения и быстро, без всяких пояснений перечислит те доказательства, которые он предлагает исследовать в подтверждение обоснованности привлечения подсудимого к уголовной ответственности.

Что касается обвинительной речи прокурора перед присяжными заседателями, которая произносится в ходе судебных прений (очевидно, что это наиболее яркая и наглядная часть его работы), то она имеет целый ряд существенных психологических особенностей, поскольку является формой психологического воздействия на присяжных заседателей, влияющей на формирование их внутреннего убеждения.

В обвинительной речи, которую прокурор произносит публично от имени государства, он подводит итог судебного следствия, излагает выводы, к которым пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела, обосновывает утверждение о доказанности поддерживаемого им обвинения. На этом этапе судебного процесса прокурор должен четко, ясно и убедительно изложить свою окончательную позицию, которая в ходе судебного следствия могла проявляться лишь частично, косвенным образом (через постановку вопросов, заявление ходатайств и т.д.).

Важнейшее требование к качеству судебной речи прокурора – ее убедительность для присяжных заседателей. Это качество речи в первую очередь достигается глубоким и всесторонним анализом исследованных в судебном заседании доказательств обвинения, не вызывающей сомнений аргументацией, логичностью и последовательностью изложения своих доводов. Доказательства обвинения должны быть выстроены в систему, подтверждающую предлагаемую прокурором версию произошедшего и одновременно опровергающую возможные альтернативные варианты объяснения развития событий. Аргументы и сделанные на их основе выводы государственного обвинителя должны подчиняться законам логики, прежде всего апеллировать к разуму присяжных заседателей, их способности логически мыслить.

В каждом конкретном случае государственный обвинитель должен обосновать, почему он доверяет одним доказательствам (подтверждающим обвинение) и не доверяет другим, считает их не имеющими решающего значения по делу. Объективный подход к анализу и оценке всей совокупности доказательств вызывает доверие у присяжных заседателей и повышает степень воздействия на них обвинительной речи.

Наряду с этим эффективность воздействия обвинительной судебной речи достигается также обращением к чувствам присяжных заседателей, воздействием на их эмоциональную сферу. В этом случае прокурор оперирует уже не фактами, а образами, стремится передать аудитории свое эмоциональное отношение к подсудимому и содеянному им, используя различные риторические и психологические приемы (образную речь, интонацию, рефрейминг и др.). Даже молчание (логическая или психологическая пауза) в определенных ситуациях может оказаться веским

аргументом. Однако во всех случаях в выступлении прокурора ведущим должен оставаться метод убеждения присяжных заседателей, а основу его речи должна составлять система неопровержимых доказательств. Иными словами, выразительность речи прокурора, вызывающая определенные чувства присяжных заседателей, усиливающие их логические выводы, достигается как с помощью собственно речевых средств (образные выражения, экспрессия, иногда даже ирония и т.д.), так и за счет активного использования невербальных средств коммуникации (мимика, жестикауляция, интонирование речи и пр.). Подобное построение выступления способствует длительной концентрации внимания на содержании сообщения, облегчает восприятие и запоминание информации слушателями.

Убедительность для присяжных заседателей обвинительной речи достигается в том числе простотой и ясностью изложения аргументов и выводов оратора, в некоторых случаях даже «разжевыванием» положений, которые для любого юриста являются прописными истинами. Такие качества судебной речи способствуют тому, что содержание выступления прокурора будет доступно любому из числа присяжных заседателей, в том числе и с не самым высоким культурным уровнем, небольшим словарным запасом.

Несомненно, еще одно важное качество обвинительной речи – ее искренность. Если же присяжные заседатели почувствуют, что прокурор говорит не соответствующими его внутреннему убеждению словами, «поет не своим голосом», то они вряд ли должным образом воспримут его доводы, поскольку, как и любая фальшь, неискренность вызывает сомнение в добропорядочности, надежности оратора.

Суммируя изложенное, назовем три самых важных, с нашей точки зрения, психологических компонента убедительности обвинительной речи государственного обвинителя: 1) убежденность самого государственного обвинителя в обоснованности своей позиции («говори с убеждением, слова и мысли придут сами собой»); 2) искренность при произнесении речи; 3) постоянный психологический контакт с присяжными заседателями, пристальное внимание к тому, как реагируют присяжные заседатели на его выступление.

Ф.С. Сафуанов,
руководитель лаборатории психологии
ФГБУ «Национальный медицинский
исследовательский центр психиатрии
и наркологии имени В.П. Сербского»
Минздрава России,
заведующий кафедрой клинической
и судебной психологии факультета
юридической психологии
ГБОУ ВО МГППУ,
доктор психологических наук,
профессор

К проблеме специальных знаний эксперта-психолога

В современном законодательстве не указано, какие знания являются специальными¹: четко прописан только порядок их формирования – высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности. В научной литературе высказываются разные точки зрения о специфике и объеме специальных знаний эксперта, существуют чрезмерно широкие или, напротив, узкие их определения.

Часто лицо или орган, назначающие экспертизу, при проверке наличия специальных знаний у негосударственного эксперта ограничиваются проверкой диплома (или ученой степени) по конкретной специальности, что впоследствии может привести к судебным ошибкам. Между тем правильное понимание специальных знаний в уголовном процессе – важное условие применения указанных знаний во всех необходимых случаях при расследовании в соответствии с требованиями закона².

Ошибочные представления о специальных знаниях во многом определяются неправомерным отождествлением специальных профессиональных знаний эксперта и знаний научных. А.И. Виндбергом и Н.Т. Малаховской были сформулированы

¹ *Махов В.Н.* Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000.

² Там же. С. 296.

принципы судебной экспертологии – метанаучной области по отношению к предметным судебным наукам, объясняющей, как базовые науки трансформируются в систему специальных знаний в предметной судебной науке и как эти знания реализуются в практической деятельности при производстве судебных экспертиз¹.

Проанализируем процесс трансформации общепсихологических научных понятий в понятия судебно-психологические, «экспертные», которые, не теряя своей психологической сущности, адаптированы к правоприменению.

Исходя из формулировки общего предмета СПЭ, который определяется как *закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов (психической деятельности) подэкспертного лица, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия*², ясно, что без четкого представления о правовых последствиях заключения эксперта (комиссии экспертов), имеющего доказательственное значение, невозможно понять частный предмет исследования судебного эксперта-психолога в каждом конкретном виде экспертизы.

Анализ юридического значения разных видов судебно-психологической (СПЭ) или комплексной судебной психолого-психиатрической (КСПЭ) экспертизы показывает возможные правовые последствия использования экспертного заключения. При всем разнообразии предметных видов экспертизы заключение психолога может быть использовано либо при индивидуализации наказания (например, при экспертизах индивидуально-психологических особенностей, «ограниченной вменяемости», «возрастной невменяемости»), либо при квалификации по определенным статьям УК РФ и ГК РФ (к примеру, экспертное установление аффекта у обвиняемого может учитываться как один из признаков состава преступления по ст. 107 или 113 УК РФ, экспертные заключения по делам о недействительности сделок могут способствовать определению ст. 177 или 178 ГК РФ), либо обуславливать ограничение в участии в судопроизводстве подэкспертного лица (так, потерпевший не может допрашиваться по

¹ Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979. С. 183.

² Сафуанов Ф.С. Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психол. журн. 1994. № 3. С. 50–54.

обстоятельствам, имеющим значение для расследования и разрешения уголовного дела в случае вывода экспертов о его неспособности давать о них показания).

Экспертологический анализ, опираясь на представление, что специальные знания судебного эксперта являются не прямым аналогом знаний базовой науки, а требуют определенной трансформации, показывает, что экспертные судебно-психологические понятия занимают промежуточное положение между общепсихологическими и правовыми.

Если говорить о *соотношении экспертных понятий и общепсихологических явлений*, то можно сделать вывод, что экспертные понятия не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь СПЭ и КСПЭ с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости, о том, какие правовые последствия могут проистекать из их диагностики. Так, констатация «фрустрации», «стресса», «растерянности» и т.п. у обвиняемого в убийстве ничего не будет говорить о возможности правовой квалификации его преступления, если мы не выделим такие качества данных эмоциональных состояний, которые могли бы быть идентифицированы с определенными признаками состава преступления в соответствии с уголовным законодательством. Особенно ярко эта трансформация видна на примере экспертологического анализа СПЭ аффекта у обвиняемого¹. Экспертное понятие «аффект», с одной стороны, уже общепсихологического понимания аффекта как одной из разновидностей эмоциональных явлений, с другой стороны, значимые для квалификации аффективных преступлений свойства «внезапно возникшего сильного душевного волнения» характерны не только для аффектов (в общепсихологическом понимании), но и для иных выраженных эмоциональных состояний, обуславливающих нарушения осознанной регуляции криминальных дей-

¹ Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: метод. рекомендации. М., 2016. С. 28.

ствий, что учитывается в правоприменении, в частности, в решениях, Верховного Суда Российской Федерации¹.

При анализе *соотношения экспертных понятий и правовых норм* М.М. Коченов выдвинул положение, что теория СПЭ имеет дело с психологическим содержанием некоторых юридических понятий, описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов².

Эти правовые нормы могут быть сформулированы на языке «житейских» понятий (например, как «нравственные страдания», «заблуждение», «привязанность ребенка к родителю» и т.п.), а могут представлять собой так называемые юридические критерии, которые, как правило, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности как отражения окружающего мира, так и регуляции поведения («способность понимать значение своих действий или руководить ими» и т.п.).

При втором варианте экспертологический анализ сводится к трансформации юридического критерия в критерий «психологический». Например, в основе юридически значимой способности понимать значение своих действий или руководить ими по смыслу ст. 177 ГК РФ лежит способность гражданина к осознанному принятию решения или исполнению, реализации принятого решения (при совершении сделки).

В первом же варианте (правовая норма без юридического критерия) выделение судебно-психологического экспертного понятия происходит через более сложный и опосредованный анализ. Характерными примерами такого экспертологического анализа является соотнесение правовых и экспертных понятий в СПЭ по делам о компенсации морального вреда³, по делам о

¹ Сафуанов Ф.С., Исаева И.В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Рос. судья. 2015. № 12. С. 37–40.

² Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. С. 46.

³ Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Дозорцева Е.Г. и др. Компетентия комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы: сб. № 43. М., 2005. С. 326–336.

спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка¹.

После правового и судебно-психологического экспертологического анализа, т.е. после уяснения юридического значения разнообразных предметных видов судебных экспертиз с участием психолога и выработки судебно-психологических экспертных понятий необходимо уяснить, каким же образом общепсихологические понятия трансформируются в «экспертные».

О.Д. Ситковской² рассматриваются следующие виды адаптации общепсихологических категорий к СПЭ:

через введение «понятия-ограничителя», устанавливающего более узкий круг случаев использования понятия, чем тот, на который оно распространяется (например, понятие «личность обвиняемого»);

через выделение только тех случаев, охватываемых общепсихологическим понятием, которые имеют уголовно-правовое значение (так, из всего многообразия аффектов экспертизу обвиняемых интересуют аффект гнева и страха);

через выделение тех характеристик общепсихологического понятия, которые имеют юридическое значение (эксперт изучает те свойства аффекта, которые могут быть не акцентированы в общей психологии);

через углубление смысла понятия по сравнению с общепсихологическим его пониманием в силу того, что значимыми оказываются те стороны предмета исследования, которые для общей психологии безразличны;

через соотнесение с определенными «нормами» регуляции поведения, задаваемыми уголовным правом, что приводит к выделению дихотомических противоположных категорий (типа «способность или неспособность к осознанно-волевому поведению в уголовно-релевантной ситуации»).

В целом каждое судебно-психологическое экспертное понятие, понимаемое как психологическое содержание правовых понятий или юридических критериев, на этой стадии методологиче-

¹ Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. С. 192.

² Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М.: Норма, 1998. С. 285.

ского исследования выступает как вектор, задающий юридическое значение психологических явлений, описанных в общепринятых теориях.

Так, при производстве СПЭ индивидуально-психологических особенностей будут востребованы психологические знания о личностной регуляции поведения, КСППЭ ограниченной вменяемости – теоретические положения о влиянии психических расстройств на криминальные действия, СПЭ аффекта – представления об аффекте в общей психологии.

КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, требует применения знаний об агрессии, в частности о материнской агрессии.

КСППЭ психического состояния лиц, покончивших с собой, и способности потерпевших по половым преступлениям оказывать сопротивление будут соответственно основываться на теоретических положениях клинко-психологической суицидологии и виктимологии.

В гражданском процессе при экспертизе «делкоспособности» будут востребованы знания о психологии принятия решений, при экспертизе по защите интересов ребенка – знания возрастной психологии и психологии семьи и т.д.

Следует отметить, что практика судебных экспертиз с участием психолога нередко сталкивается с ситуациями, когда в общей психологии необходимые для выработки экспертного заключения знания оказываются недостаточными. Такие проблемные ситуации, в свою очередь, стимулируют научные исследования в общей и других областях психологии. Как подчеркивал М.М. Коченов¹, наряду с тем, что СПЭ является одним из главных каналов проникновения накопленных в различных областях психологии знаний в юридическую практику, обобщение практики СПЭ само создает новые знания, становится достоянием не только юридической, но и общей психологии.

Таким образом, специальные знания эксперта-психолога – это психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение;

¹ Коченов М.М. Указ. соч.

знания, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных и гражданских дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенным уголовно-процессуальным законодательством¹.

Определение не дает оснований разграничивать пределы компетенции эксперта-психолога при участии в разных видах экспертизы: СПЭ и КСППЭ.

Как видно из определения, специальные знания судебного эксперта-психолога – знания прежде всего психологические. Они включают профессиональные знания в областях общей (в узком смысле), клинической, возрастной (в экспертизах по уголовным делам преимущественно детской и подростковой, по гражданским делам о сделкоспособности – геронтопсихологии, по делам о воспитании ребенка – семейной), социальной психологии, теории и практики психодиагностики. Однако адаптация психологических знаний к процессу судопроизводства требует расширения применения общетеоретических дисциплин за счет и правовых наук, и смежных областей знаний, которые используются не только в комплексных, но и в однородных судебно-психологических экспертных исследованиях, в первую очередь это уголовное и уголовно-процессуальное право, гражданское, семейное и гражданское процессуальное право (в объеме, необходимом для понимания юридического значения экспертных выводов, а также ориентирования в организационно-правовых основах судебно-экспертной деятельности), а также судебная психиатрия, лингвистика, криминология, знание клинико-психологических аспектов виктимологии, суицидологии, сексологии, наркологии. И, наконец, специальная подготовка по конкретной экспертной специальности предполагает усвоение теоретических, методологических и этических основ судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз.

¹ Аналогичное определение закреплено в ГОСТ 57334 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» (2016); Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. С. 192.

Как видно, выявляется закономерность *многопредметного* и *междисциплинарного* формирования и развития судебно-экспертного использования специальных психологических знаний в рамках СПЭ и комплексных экспертиз (психолого-психиатрических, психолого-лингвистических, психолого-сексологических) с участием психолога.

Эта закономерность и определяет структурирование учебных планов и программ и формулирование профессиональных компетенций в процессе до- и постдипломного образования судебных экспертов-психологов¹.

О.Д. Ситковская,
заведующий отделом
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор психологических наук

Психология свидетелей

При осуществлении правосудия особенность установления истины заключается в том, что исследованию подлежат факты, действия, события, происходившие в прошлом. Восстанавливаются они прежде всего с использованием свидетельских показаний лиц, которые их непосредственно наблюдали или имели о них сведения, полученные из иных источников.

По данным А.Е. Леднева, около трети приговоров, отмененных вышестоящими судами, основаны на ошибочных показаниях свидетелей и потерпевших и столько же приговоров отменено в связи с тем, что следствием и судом не выявлены причины неод-

¹ Сафуанов Ф.С. Вопросы подготовки и повышения квалификации медицинских психологов судебно-психиатрических экспертных учреждений // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (к 85-летию Юрия Федоровича Полякова). М.: МГППУ, 2013. С. 242–249; *Медицинская и судебная психология: курс лекций* / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004.

нократного изменения свидетелями своих показаний¹. Связь ошибок в показаниях свидетелей с судебными ошибками очевидна и весьма велика. Без их выявления и устранения повышение эффективности работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений невозможно.

Проблема использования данных психологической науки для оценки свидетельских показаний была осознана многими психологами и юристами еще на рубеже XIX–XX вв., что привело к разработке комплекса вопросов, пограничных между правом и психологией. Прежде всего, речь идет об использовании психологических знаний в уголовном судопроизводстве в форме судебно-психологической экспертизы, ставшей краеугольным камнем в фундаменте юридической психологии, как научного и прикладного направления исследований (А. Болтунов, А. Брусилловский, Л. Владимиров, Г. Гросс, М. Гернет, О. Липман, Г. Мюнстенберг и др.).

Для того чтобы свидетель мог сообщить сведения о каких-либо событиях и обстоятельствах, он должен их *воспринять*, удержать в своей *памяти* и в дальнейшем правильно *воспроизвести*. Окружающая действительность воспринимается человеком через ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус и т.д. Большинство людей правильно и адекватно воспринимает окружающий мир. Однако у разных людей состояние органов чувств различно. Они не с одинаковой степенью точности воспринимают одни и те же обстоятельства. Неодинаков и объем восприятия, способность зафиксировать то или иное количество деталей.

На точность восприятия влияют *объективные* и *субъективные* факторы. К объективным относятся условия, в которых воспринималось событие, кратковременность или длительность, освещенность, расстояние, метеорологические факторы и проч. Кратковременность наблюдения не способствует полному и всестороннему восприятию тех или иных фактов и обстоятельств. Пробелы в восприятии нередко в дальнейшем восполняются свидетелем, имеющим определенный жизненный опыт по принципу «как бы это могло быть».

¹ См.: Леднев А.Е. Показания свидетеля как уголовно-процессуальное доказательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11.

Иногда свидетели допрашиваются о времени, которое прошло между событиями, расстоянии между предметами и их величине. Обычно в условиях привычной деятельности человек способен достаточно точно оценивать временные интервалы. На точность восприятия времени влияет, например, профессия человека: чувство времени в большинстве случаев развито у спортсменов, представителей музыкальных профессий. В психологии известно, что при положительных эмоциях время субъективно «течет быстрее», при отрицательных – значительно «растягивается»¹.

Субъективные факторы определяются прежде всего состоянием органов чувств: плохое – хорошее зрение, слух и т.д., а также эмоциональным состоянием, усталостью, состоянием здоровья, уровнем умственного развития, образованием, наличием тех или иных профессиональных навыков, специальных знаний, жизненным опытом и др.

Дальтоник, например, не реагирует на определенную длину световых волн в той мере, как личность с нормальным цветоощущением, и, как следствие, не различает красный и зеленый цвет; при световой слепоте человек плохо видит вечером и ночью. Человек немзыкальный не в состоянии хорошо запомнить и воспроизвести мелодию.

В литературе отмечаются и некоторые половые различия в «качестве» свидетельских показаний. Так, каждый 12 мужчина и каждая 200 женщина от рождения недостаточно точно и тонко различают цвет предмета. Чувствительность к боли, обоняние, слух обычно выше у мужчин. Женщины же вернее наблюдают и способны лучше описать детали обстановки, одежды и т.д., однако в силу высокой эмоциональности они чаще склонны к искажению действительности. Женщинам время кажется длиннее, чем мужчинам, что может играть в показаниях весьма существенную роль. На качество женских показаний оказывают влияние и функциональные состояния (беременность, менструации и др.). Интересно, что в детском возрасте (до 11 лет) влияние пола прак-

¹ Сказанное относится к восприятию текущего момента. Если же речь идет о прошедшем времени, то в воспоминаниях оно кажется тем более длительным, чем оно было богаче событиями, и тем короче, чем более оно было «пустым».

тически не сказывается, показания мальчиков и девочек мало чем различаются.

Очевидно, что наблюдения близорукого человека не могут рассматриваться как надежные, если они происходили на расстоянии. Однако необходимо иметь в виду, что и нормально функционирующие органы чувств могут приводить к ошибкам в восприятии внешнего мира, что иллюстрируется в учебниках по психологии при рассмотрении различного рода зрительных иллюзий, демонстрируя ненадежность наших наблюдений. Например, светлые предметы обычно кажутся большими по размеру, чем темные; длина вертикально направленных объектов кажется больше равных им объектов, имеющих горизонтальное протяжение.

Общеизвестно, что художники гораздо лучше других людей различают цвета. Дегустаторы обладают высокоразвитой чувствительностью к вкусам и запахам. Портниха, допрошенная в качестве свидетеля, может сообщить о таких деталях одежды и особенностях ее пошива, которые останутся незамеченными человеком иной профессии. То же можно сказать и о всяком другом специалисте.

«Свидетели-специалисты могут дать показания о виденных ими фактах и дополнить их объяснениями и заключениями по своей специальности. Так, например, врач может не только рассказать, что он наблюдал в болезни данного лица, но и высказать свое мнение об этой болезни; опытный шофер может описать виденную им автомобильную катастрофу и высказать свое мнение о том, как управлялся автомобиль, с которым произошла катастрофа.

Допрос подобных свидетелей-специалистов труден потому, что у них легко может произойти смешение восприятия и оценки явления. Поэтому надо настаивать на том, чтобы такой свидетель поменьше высказывал свое личное мнение и обращал больше внимания на передачу виденных им фактов. В противном случае легко может получиться искаженная картина, построенная не столько на действительно воспринятом свидетелем, сколько на одностороннем его мнении»¹. Конечно, мнение специалиста рас-

¹ Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений // Юридическая психология. Хрестоматия / сост. В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2000. С. 282.

следованию не повредит, но, выступая в качестве свидетеля, такое лицо прежде всего должно сообщить все известные ему факты, на основе которых он пришел к тем или иным выводам.

Существенное значение для точности и правильности восприятия имеет наличие особого интереса свидетеля к тем или иным явлениям, предметам, например любовь к живописи, коллекционирование, любовь к животным и проч. Не являясь профессионалом, он может обладать обширными познаниями в соответствующей области.

Необразованный человек затрудняется в выражении своих мыслей, однако его показания более непосредственны, чем у высокообразованного, который нередко сообщает менее объективные факты, выдавая свои суждения и умозаключения за полученные на месте происшествия впечатления.

Для того чтобы иметь возможность дать свидетельские показания, соответствующие тому, что было воспринято, необходимо *удержать в памяти* значимые для дела обстоятельства и в дальнейшем воспроизвести их. Разные люди обладают различной способностью к запоминанию, т.е. срок удержания в памяти тех или иных событий и обстоятельств не у всех одинаковый. Поэтому возможны ситуации, когда свидетель, хотя и присутствовал на месте происшествия, но не запомнил детали происходившего, а в дальнейшем не может достаточно точно и правильно их воспроизвести. Если следователь своевременно не допросил свидетеля, знающего важные обстоятельства по делу, то, будучи вызван в суд, свидетель может уже забыть многие детали обстоятельств, интересующих правосудие.

Память зависит от интересов и склонностей человека. «Особенно ярко это выражается в тех случаях, когда память по тем или иным причинам, в частности, например, под влиянием преклонного возраста, начинает слабеть. В этом случае все, что связано с профессиональными интересами человека, нередко удерживается в памяти по-прежнему с большой легкостью и безошибочно, хотя все остальное уже сравнительно легко забывается им»¹. Эти особенности памяти лиц преклонного возраста необходимо учитывать при проведении допроса и при оценке их показаний.

¹ Смирнов А.А. Психология запоминания. М.; Л., 1948. С. 15–16.

Интенсивность забывания у людей также различна и определяется: а) временем, которое прошло с момента происшедшего события; б) яркостью впечатлений от него; в) отношением к происшедшему; г) желанием запомнить; д) состоянием здоровья; е) возрастом; ж) индивидуальными особенностями памяти и др.

В силу своей избирательности восприятие не всегда отражает правильную картину действительности. Прежде всего, мы видим и запоминаем то, что нас интересует. При восприятии незнакомого человека обычно фиксируются черты его внешности и физического облика или детали одежды, субъективно оцененные свидетелем как необычные. Этим объясняется то, что особые приметы обычно запоминаются лучше, чем другие детали. Сказанное относится и к действиям, воспринимаемым как поведение, отличное от общепринятого или оцененное свидетелем как отклоняющееся от нормы.

Способность к запоминанию тесно связана также с мыслительной деятельностью, кругозором, знаниями. Так, у некоторых выдающихся шахматистов столь сильно развита зрительная память, что они, закрыв глаза или отвернувшись в сторону, способны вести игру или даже играть одновременно несколько партий.

Память и внимание тесно взаимосвязаны. Чем внимательнее человек, воспринимающий событие, тем лучше и точнее он его запомнит. Если же он был чем-то отвлечен, погружен в свои мысли, то он может не заметить событие, не обратить на него внимание.

Процесс воспроизведения сохранившейся в памяти информации в вербальной форме нередко представляет определенные трудности для допрашиваемого. Воспроизведение, как и память в целом, – это динамический активный процесс, основывающийся на гибких подвижных связях и поддающийся сознательному контролю.

Очевидно, что решение сложной репродуктивной задачи требует участия не только познавательных, но и других психических процессов, однако ведущая роль принадлежит именно познавательным мыслительным процессам. Содержанием воспроизведения является восстановление того, что было воспринято, запечатлено в прошлом; мыслительные же операции выступают

здесь как средства, помогающие адекватному, правильному отражению прошедших событий.

Во время воспроизведения мыслительный процесс направлен на осмысление того, что при запоминании было недостаточно ясным, того, что было воспринято поверхностно, не представляя в момент запоминания особого интереса.

Припоминание событий, свидетелем которых человек был в прошлом, требует и *участия воли*. Чтобы добиться адекватного и детального воспроизведения, необходимы упорство, настойчивость, критичность и проч., т.е. важные волевые качества. Благодаря действию этих качеств то, что казалось уже забытым, может припоминаться. И наоборот, там где нет волевого усилия или оно недостаточно, там не реализуются имеющиеся возможности воспроизведения.

Таким образом, в припоминании имеет место взаимодействие и взаимопроникновение познавательных, эмоциональных и волевых процессов. Припоминание представляет собой активную умственную деятельность, в которой проявляются не только мышление, воля и чувства, а личность в целом с ее активным отношением к действительности.

Большое значение для правильной оценки свидетельских показаний, несомненно, имеет *возраст* свидетеля. Закон не устанавливает для свидетеля каких-либо возрастных ограничений и допускает допрос как *несовершеннолетних*, так и *малолетних* лиц, принимая во внимание только возможность правильно воспринимать события и явления и воспроизводить их.

Процесс формирования показаний несовершеннолетних весьма своеобразен. Прежде всего, он характеризуется отсутствием жизненного опыта, знаний, которые в значительной мере влияют на правильность восприятия и оценку поступков людей, фактов, событий. Именно поэтому дети нередко воспринимают лишь внешнюю сторону явлений, не проникая в их сущность, не всегда достаточно разбираясь в том, что хорошо и что плохо; правдивые показания детей (особенно малолетних) могут выходить за рамки осведомленности и превосходить их способность к вымыслу.

Ребенок может совершенно не отдавать себе отчета в истинных намерениях преступника. Он описывает события, которые сам объяснить не может, но которые могут быть объяснены дру-

гой информацией по делу. Это имеет особое значение при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Следует иметь в виду, что несовершеннолетние склонны к фантазированию, преувеличению, внушаемости, перемешиванию образов фантазии с объективной действительностью и могут дополнить ими то, что имело место на самом деле. Сделав это раз, они иногда настойчиво повторяют данные показания. Пробелы памяти при воспроизведении могут заполняться фантазиями по поводу того, при каких обстоятельствах могло протекать событие; при этом может быть невольно мобилизован жизненный опыт, подсказывающий, как могло событие произойти, как мог выглядеть тот или иной предмет и т.д. Лица, склонные к фантазированию, самовнушению, легко поддаются самообману и верят в собственную правдивость.

Для оценки свидетельских показаний лиц *старческого возраста* (речь идет, как правило, о лицах старше 70 лет) необходимо учитывать их психологические особенности. Прежде всего, надо отметить типичное снижение зрения, слуха, замедление восприятия и обработки информации. В связи с атеросклерозом и другими компонентами физиологического старения у большинства людей в *старости* нарушается внимание, они не обладают хорошей памятью, особенно на недавнее прошлое. Многие старики прекрасно помнят годы юности и детства, но не всегда могут вспомнить, где были и что делали несколько месяцев и даже дней тому назад.

Таким образом, изменения психической деятельности, возникающие, развивающиеся и проявляющиеся в старческом возрасте, могут существенно нарушить способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них показания.

Значительное влияние на работу органов чувств оказывает *алкоголь*. Даже небольшое количество спирта (100 г водки) сначала повышает чувствительность, но вскоре значительно снижает ее. Человек в таком состоянии ощущает повышение работоспособности, улучшение деятельности органов чувств. Однако экспериментальные данные свидетельствуют о том, что и невысокий уровень алкоголя в крови реально влияет на психическую дея-

тельность субъекта, притупляет остроту восприятия, обоняние и осязание; снижается острота зрения, ухудшается глазомер, восприятие времени и пространственных отношений; чувства холода и тепла кажутся меньше, чем на самом деле. В целом отмечается снижение качества интеллектуальных операций, способности адекватно воспринимать окружающую действительность. Физиологическая основа здесь – отравление организма, в том числе интоксикация центральной нервной системы. По мере возрастания дозы алкоголя все более расстраиваются функции, связанные с переработкой информации, ориентацией во внешней среде и ее осмыслением, нарушаются сенсорные процессы.

Действие алкоголя зависит от состояния здоровья, возраста, частоты и дозы употребления, временных функциональных состояний организма, ситуации, в которой происходит употребление алкоголя. Поэтому столь важно выяснить индивидуальную переносимость алкоголя свидетелем и учитывать, употреблял ли он и какое количество спиртных напитков в интересующий следствии период.

На способность свидетеля правильно воспринять имеющие значение для дела обстоятельства, безусловно, оказывают влияние *утомление, усталость и эмоциональное состояние*, в котором в тот момент находился свидетель. В состоянии усталости, например, нарушается внимание, снижается продуктивность мышления, скорость ориентировки в окружающей обстановке, повышается эмоциональная чувствительность. Выраженное физическое и психическое переутомление относится к числу факторов, уменьшающих способность человека правильно и адекватно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства. Не менее важно учитывать и возможные сильные эмоции – стресс, страх, гнев и проч.

Оценивая показания свидетеля, не следует забывать об *индивидуально-психологических особенностях*, влияющих на запоминание, удержание события в памяти и его последующее воспроизведение.

У некоторых лиц отсутствует способность сосредотачиваться на мелочах, другие, наоборот, лучше запоминают частности, подробности, в то время как важное и существенное легко стирается у них из памяти. Одни относятся к наблюдаемым событиям

равнодушно и ничего не замечают, другие фиксируют свое внимание на происходящем и соответственно лучше запоминают увиденное.

Известно, что спокойные, уравновешенные люди более точно воспринимают, а затем воспроизводят запомнившиеся сведения о событиях и обстоятельствах, чем неуравновешенные, легко возбудимые, мимо внимания которых могут пройти незамеченными те или иные обстоятельства, имеющие подчас решающее значение для следствия.

Для оценки способности давать показания необходимо оценить *развитие речи*, его словесное оформление. Зависимость ответов допрашиваемого от характера вопросов следователя общеизвестна и она всегда тем больше, чем ниже уровень развития речевых способностей.

Таким образом, свидетельские показания как описание явлений прошлого представляют собой весьма сложный процесс, который относится к области психической деятельности лица, дающего показания. При оценке их полноты и точности существенную роль играет анализ психологических процессов восприятия, запоминания и воспроизведения конкретными свидетелями фактических данных, существенных для дела; необходимо иметь в виду и разные способности дающих показания.

Способность давать показания может зависеть не только от полноценности органов чувств, уровня развития, продуктивности и надежности памяти, качеств мышления, индивидуального жизненного опыта, запаса знаний, интересов, личностных особенностей, но и в значительной мере от отношения к самому происшествию.

Л.А. Скабелина,
доцент кафедры
адвокатуры и нотариата
Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат психологических наук,
доцент

Система психологических навыков адвоката

Профессионализм важен в любом деле. Особое значение осуществление деятельности на высоком уровне приобретает в профессиях, имеющих социальную значимость, к которым относятся юридические профессии. Непрофессионализм в адвокатской деятельности может привести не только к нарушению прав доверителя, но и к человеческим трагедиям.

Главная цель работы адвоката – помощь гражданам при решении проблем юридического характера. Согласно Федеральному закону от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 1 ст. 1) адвокатская деятельность – это квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. В п. 2 ст. 2 Федерального закона перечислены конкретные виды деятельности, которые осуществляет адвокат в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей.

При оказании юридической помощи адвокат дает письменные и устные консультации, составляет документы правового характера, представляет интересы доверителя в различных инстанциях. Для достижения целей профессиональной деятельности адвокат выполняет конкретные действия: беседует с различными людьми, анализирует информацию (устную и письменную, вербальную и невербальную), выступает перед аудиторией и т.п.

По своим характеристикам это интеллектуальная, коммуникативная и организаторская деятельность.

Психологическими особенностями профессиональной деятельности адвоката являются особый режим труда и отдыха, дефицит времени и информации, большое количество конфликтных ситуаций, общение с людьми в особых психических состояниях, высокая персональная ответственность, необходимость соотносить свои действия с Кодексом профессиональной этики адвоката и др. Поведение адвоката-защитника, с одной стороны, должно в максимальной степени отвечать интересам обвиняемого, с другой – не противоречить интересам правосудия. Как отмечал А.Д. Бойков, сочетание объективности с односторонностью, своей убежденности с интересами подзащитного – одна из величайших сложностей адвокатской профессии, которая может быть преодолена высоким уровнем профессиональной культуры¹.

Эффективность выполнения профессиональной деятельности адвоката при этом зависит не только от его профессиональных знаний и умений, но и от осведомленности в области психологии, от психологических навыков, обеспечивающих успех профессиональной деятельности. Об этом пишут сами адвокаты: «Следователю и адвокату необходимо знать, что управляет человеческим поведением, владеть искусством общения, эффективного и правомерного воздействия на людей, а это невозможно в полной мере без понимания их внутреннего мира, индивидуальных особенностей и свойств, интересов и установок, мотивов и целей, эмоциональных состояний и переживаний и т.п.»².

Психологическая компетентность – это не только знания, умения и навыки в области психологии, выраженные профессионально значимые качества личности, помогающие в решении специальных задач, но и личностные установки на восприятие и использование психологической информации, готовность применить психологические знания на практике. За внешними проявлениями в поведении доверителя адвокат должен уметь видеть его психическое состояние, черты характера, мотивы поведения,

¹ Бойков А.Д. *Этика профессиональной защиты по уголовным делам*. М., 1978. С. 57.

² Баренбойм П., Караханян С., Кравченко Д. *Психологическая пытка в России и за рубежом*. М.: ЛУМ, 2016. С. 15.

уметь прогнозировать поведение, выбирать наиболее эффективные техники взаимодействия в процессе общения. Психологическая компетентность адвоката – это его своеобразный личностный инструментарий, обеспечивающий эффективное решение профессиональных задач.

Немаловажное место в ней занимают психологические навыки. Под навыком в психологии понимают частично автоматизированное действие. Навыки формируются в результате многократного повторения и не требуют постоянного внимания и контроля. Целенаправленность, корректировка по ходу выполнения упражнения являются условиями формирования навыка. «В любой творческой, интеллектуальной сфере львиная доля успеха завоевывается не гениальностью и даже не талантом, а подражанием, в основу которого ложатся четкие формулы и инструкции»¹.

Систематизируя по двум основаниям – направленности и активности, психологические навыки адвоката можно распределить на четыре группы:

1 группа – навыки, направленные на себя, пассивные. Это навыки рефлексии, адекватной оценки самого себя. Адвокату важно точно оценивать свои профессиональные качества, сильные и слабые стороны, с учетом которых каждому разумно выработать наиболее эффективный индивидуальный стиль деятельности. Или при работе над имиджем оценка своих возможностей, качеств, внешних данных являются необходимой частью процесса. Неадекватная самооценка препятствует процессам развития профессионально значимых качеств личности, совершенствования профессионализма, а в итоге – эффективной профессиональной деятельности;

2 группа – навыки, направленные на себя, активные. Это навыки саморазвития, самосовершенствования. Надежной платформой для их функционирования являются навыки самооценки. Например, адвокат оценивает себя как плохо контролирующего свое эмоциональное состояние и понимает, что это негативно сказывается на его профессиональной деятельности. Зная эту

¹ Миронов И.Б. Суд присяжных. Стратегия и тактика судебных войн. М.: Книжный мир, 2015. С. 297.

свою особенность, он принимает решение совершенствовать свой самоконтроль, например, через аутотренинг. Адвокату полезно развивать свою память, логическое мышление, коммуникативные навыки, эмпатию, навыки эффективного поведения в конфликте, навыки безопасного для здоровья снятия эмоционального напряжения, необходимые для предупреждения эмоционального выгорания;

3 группа – навыки, направленные на других, пассивные. Это в первую очередь навыки оценки индивидуально-психологических особенностей собеседника, его состояния. Понимание психотипа доверителя помогает адвокату выстроить эффективное взаимодействие с ним, прогнозировать его поведение, например, в суде, а правильная оценка психического состояния доверителя – предотвратить последствия необдуманных поступков. Характеризуя состояние подследственного как препятствующее правильному восприятию и оценке, затрудняющее осмысление ситуации и выбор линии поведения, адвокаты отмечают, что оно нередко становится причиной самоговора¹;

4 группа – навыки, направленные на других, активные. Это навыки разумного психологического воздействия в отношении партнеров по общению. Очевидно, что такое воздействие имеет место в профессиональной деятельности адвоката. Речь идет о правомерном, не выходящем за рамки профессиональной этики, психологическом воздействии, например, в рамках убеждающего воздействия на присяжных в ходе судебного разбирательства².

Названные навыки взаимосвязаны, формирование одного невозможно без другого. Для того чтобы оптимизировать состояние доверителя, адвокату нужно его правильно определить, «необходимо знать, что управляет человеческим поведением, владеть искусством общения, эффективного и правомерного воздействия на людей, а это невозможно без понимания их внутреннего мира, индивидуальных особенностей и свойств, интересов и установок, мотивов и целей, эмоциональных состояний и переживаний»³. Чтобы эффективно воздействовать на присяжных,

¹ Баренбойм П., Караханян С., Кравченко Д. Указ. соч. С. 21.

² Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции: учеб. пособие. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006.

³ Баренбойм П., Караханян С., Кравченко Д. Указ. соч. С. 15.

надо точно отслеживать их реакции, интерпретировать невербальные сигналы. Самопрезентация связана с адекватной самооценкой и стремлением к саморазвитию, самосовершенствованием.

Представленную систему психологических навыков адвоката можно сделать трехмерной, дополнив третьей переменной – степенью осознанности навыка. Все перечисленные выше навыки могут присутствовать в деятельности адвоката с разной степенью осознанности. Психологическое воздействие может заранее планироваться с определенной целью и арсеналом приемов, а может быть неосознанным, полностью автоматическим без четко прослеживаемой структуры волевого действия. То же можно сказать и о других психологических навыках. Некоторые из них могут быть обеспечены коммуникативными способностями, личностными качествами, свойствами темперамента. Другие – нуждаются в целенаправленном развитии для обеспечения эффективности профессиональной деятельности.

Как показывает опыт преподавания психологии, проведения тренингов, адвокаты не сразу осознают взаимосвязь перечисленных навыков. Часто для них очевидно развитие одних (например, необходимость навыков психологического воздействия) и неочевидно формирование других (связанных с самооценкой, самовоспитанием). Самый распространенный запрос: научите нас влиять на людей, дайте универсальную формулу воздействия на них. На практике же освоение этих навыков неотделимо друг от друга. И без учета индивидуально-психологических особенностей объекта воздействие на него не будет оптимальным.

Представленная система социально-психологических навыков адвоката наглядно демонстрирует необходимость их комплексного формирования. Психологический навык вырабатывается в ходе тренировки в специально смоделированных ситуациях, имитирующих профессиональную деятельность. Так строятся занятия на психологических тренингах в рамках курсов повышения квалификации адвокатов.

Ю.Ю. Чумаков,
заочный аспирант отдела
психологического обеспечения
прокурорской деятельности
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации

Психология несовершеннолетнего потерпевшего и его допрос

Потерпевший – одна из центральных фигур уголовного судопроизводства, тем более когда речь идет о насильственных преступлениях. Причины и условия преступления не могут быть раскрыты полностью без изучения личности потерпевшего, так как преступные действия нередко тесно связаны с неосмотрительным или легкомысленным поведением потерпевшего.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда.

Изучение личности и поведения потерпевшего важно для уголовного права, уголовного процесса, криминологии, юридической психологии. Оно необходимо для всестороннего и полного расследования уголовных дел, правильной квалификации преступления. Личность потерпевшего играет важную роль в деятельности следственных органов, а также суда.

В рамках юридической психологии изучается формирование личности потерпевшего, его поведение до совершения преступления, в момент совершения и после совершения преступления. Особо тщательно следует изучать особенности личности и поведения потерпевшего в тех случаях, когда он является несовершеннолетним. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция увеличения общего числа правонарушений в отношении несовершеннолетних. Согласно только официальным статистическим данным, ежегодно более 40 тыс. подростков становятся по-

терпевшими от насильственных преступлений. Каждое третье зарегистрированное тяжкое и особо тяжкое преступление совершено в отношении ребенка¹.

По данным исследования, проведенного В.С. Минской и Г.И. Чечелем, удельный вес несовершеннолетних потерпевших (31,3%) даже превышает удельный вес несовершеннолетних преступников (23,7%).

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует такое понятие, как «несовершеннолетний потерпевший», однако стоит предположить, что таковым следует считать лицо в возрасте от 12 до 18 лет, которому был причинен физический, имущественный, моральный вред.

Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего складывается из его прав и обязанностей. Несовершеннолетний потерпевший по общему правилу в соответствии с ч. 2 ст. 42 УПК РФ имеет право: знать о предъявленном обвиняемому обвинении, давать показания, отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы и др.

Также УПК РФ устанавливает и определенные обязанности несовершеннолетнего потерпевшего. Он не вправе: уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд; давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний; разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке; уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Согласно ст. 19 Конвенции о правах ребенка Генеральной ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г., посвященной защите чести и достоинства детей от всех форм физического и психического насилия, объектом особого внимания государства должны стать

¹ URL: <https://мвд.рф/reports/>

права и законные интересы несовершеннолетних, попавших в сферу уголовного судопроизводства¹.

Повышенная виктимность несовершеннолетних связана с такими особенностями детского и подросткового возраста, как любопытство, жажда приключений, склонность к риску, доверчивость, внушаемость, недостаточная критичность, физическая слабость (в ряде случаев). При этом наиболее уязвимыми среди несовершеннолетних оказываются подростки в возрасте 12–14 лет. Это переломный, кризисный возраст интенсивного личностного роста и становления, когда при отсутствии жизненного опыта молодой человек должен самостоятельно решать сложные задачи – освободиться от опеки взрослых, строить взаимоотношения со сверстниками, лицами другого пола и др. В ряде случаев повышенная виктимность несовершеннолетних определяется и подчиненным, зависимым положением, которое они занимают в семье. Это служит одной из предпосылок для совершения в отношении них таких преступлений, как детоубийство, истязание, инцест².

Таким образом, изучение психологии несовершеннолетнего потерпевшего вырастает в комплексную проблему, одним из аспектов которой является изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего на предварительном следствии в целях получения от него достоверных показаний в ходе допроса.

Показания несовершеннолетнего потерпевшего зависят от большего количества объективных и субъективных факторов.

Для получения достоверных показаний несовершеннолетнего потерпевшего в процессе допроса следователю необходимы знания психологических закономерностей процесса формирования показаний и их особенностей у несовершеннолетнего потерпевшего. Допрос потерпевшего является процедурой, которая прямо предусмотрена и урегулирована уголовно-процессуальным законодательством.

Стоит отметить, что законодатель не всегда при создании правовых норм учитывает психологические факторы, однако в

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сб. междунар. договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

² *Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М., 2011. С. 353.*

данном случае законодатель выделил специальную норму, регламентирующую особенности допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, что свидетельствует о дополнительной защите и обеспечении прав и интересов несовершеннолетних как особо неустойчивой и незащищенной категории граждан.

Так, ст. 280 УПК РФ предусматривает следующие особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля: при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет участвует педагог, допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога, до начала допроса несовершеннолетнего председательствующий разъясняет педагогу его права, о чем в протоколе судебного заседания делается соответствующая запись, педагог вправе с разрешения председательствующего задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю, перед допросом потерпевших и свидетелей, не достигших возраста шестнадцати лет, председательствующий разъясняет им значение для уголовного дела полных и правдивых показаний, об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний эти лица не предупреждаются и подписка у них не берется и др.

Также стоит отметить существенные изменения ст. 191 УПК РФ, регламентирующей особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, которые внес Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Значимость показаний несовершеннолетнего потерпевшего обусловлена тем, что они являются одним из главных, а иногда и единственным источником информации о совершенном в отношении несовершеннолетнего преступлении.

При проведении допроса несовершеннолетнего необходимо помнить, что преступления, совершенные в отношении несовершеннолетнего, очень сильно влияют на психику несовершен-

летнего потерпевшего и нередко могут сформировать у него психическую травму.

Важно при проведении допроса несовершеннолетнего учитывать особенности восприятия им в момент совершения преступления обстоятельств дела, личности преступника, ведь испытываемые несовершеннолетним чувства стыда, страха, и т.п. могут привести к искажению восприятия и неправильной оценке ряда фактов, признаков, деталей.

При проведении допроса несовершеннолетнего потерпевшего не стоит забывать о подверженности несовершеннолетних внушению, которая наиболее сильна в незнакомой обстановке под влиянием утомления, стресса. Поэтому необходимо создать спокойную обстановку, делать хотя бы небольшие паузы и перерывы.

При проведении допроса не стоит ожидать от несовершеннолетних потерпевших предоставления «надежной» оценки времени, скорости, расстояния, размера, высоты, веса, цвета или знания структуры отношений и т.д., ведь даже взрослые часто не способны ориентироваться в таких вещах.

Точность и полнота показаний несовершеннолетнего потерпевшего в большей своей части зависят от времени, прошедшего с момента совершения преступления. Поэтому допрашивать несовершеннолетнего потерпевшего следует в кратчайшие сроки после событий, о которых ему необходимо рассказать.

«На содержание показаний несовершеннолетних потерпевших может также оказывать влияние свойственная многим подросткам ориентация на оценку их действий и высказываний взрослыми. Это может проявиться в стремлении пострадавшего сказать именно то, что от него ожидают, и заслужить этим одобрение следователя»¹.

Следователю очень важно установить психологический контакт с несовершеннолетним потерпевшим, учитывая его психическое состояние и индивидуальные психологические особенности, и таким образом обеспечить полноту и точность показаний². По-

¹ Юридическая психология. С. 353.

² Волков В.Н. Юридическая психология. М., 2000. С. 151.

мочь следователю в установлении психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим при допросе может психолог.

Однако в подавляющем большинстве случаев следователь при проведении допроса и иных следственных действий ограничивается участием педагога. Педагог чаще всего подходит к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего формально, не проявляет инициативу и индивидуальный подход.

В заключение укажем, что «чаще всего на практике отмечаются две противоположные тенденции относительно значения показаний детей: их возможности правильно воспринимать события и давать показания либо переоцениваются, либо полностью отрицаются, вплоть до утверждения о том, что показания детей – доказательства низшего сорта и должны при оценке их достоверности приравниваться к показаниям психически больных людей. Указанные крайние подходы к оценке этого вида доказательств чреваты серьезными ошибками, которые могут иметь на практике далеко идущие последствия. Однако правильная организация допросов детей позволяет получить надежные и объективные показания, в том числе о таких сложных обстоятельствах, значение которых может не осознаваться самим ребенком в полной мере. Показания детей, проверенные и подтвержденные другими объективными данными, могут служить полноценными доказательствами»¹.

¹ *Ситковская О.Д.* Психология свидетелей и свидетельских показаний: науч.-метод. пособие. М., 2007. С. 122.

С.С. Шипшин,
заместитель начальника ФБУ
Южного регионального
центра судебной экспертизы
Министерства юстиции
Российской Федерации,
заведующий отделом судебных
психологических экспертиз,
кандидат психологических наук,
доцент

**Использование психологических знаний
при расследовании сексуальных преступлений,
совершаемых в отношении несовершеннолетних:
проблемы и решения**

При расследовании уголовных дел о сексуальных преступлениях и рассмотрении их в суде практически всегда возникает потребность в специальных психологических знаниях, как правило, реализуемая посредством проведения судебных психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз. С одной стороны, если речь идет о несовершеннолетних потерпевших, заключение эксперта позволяет следствию оценить, находилась ли потерпевшая в беспомощном состоянии, т.е. могла ли понимать характер и значение совершавшихся с нею действий сексуального характера и оказывать им сопротивление. В случае малолетнего возраста потерпевшей заключение эксперта дает возможность судить о полноте и точности воспринятой и сохраненной ею информации о криминальном событии, действиях его участников. Кроме того, комплексная экспертиза позволяет выявить наличие/отсутствие психотравмы, причиненной потерпевшей действиями обвиняемого.

Если говорить непосредственно о судебной психологической экспертизе, то следственная и экспертная практика сложились таким образом, что до возбуждения уголовного дела психологическая экспертиза не назначалась – только после возбуждения уголовного дела или на стадии судебного рассмотрения дела.

Это не означает, что специальные психологические знания не востребованы на стадии проверки сообщения о преступлении. Напротив, по смыслу ст. 58 УПК РФ не исключается использование специальных психологических знаний «для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его (*специалиста*) профессиональную компетенцию». При этом очевидно, что психолог вряд ли может оказать содействие «в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела».

Психолог непосредственно упоминается только в ст. 425 УПК РФ («Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого»), согласно ч. 3 которой «в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или *психолога* обязательно». Процессуальные права определены следующими рамками: «педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей» (ч. 5 ст. 425 УПК РФ). К вопросу об участии психолога/педагога в допросе или иных следственных действиях вернемся несколько позже.

Серьезной проблемой в последние годы является назначение сотрудниками следственных органов психологических исследований на стадии проверки сообщений о преступлении в отношении несовершеннолетних, как потерпевших, так и подозреваемых, поручаемые психологам учреждений и организаций, являющихся субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (согласно Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Целью назначения таких исследований является, с одной стороны, получение некоего процессуального документа, который служил бы «страховкой» от необоснованного возбуждения уголовного дела либо, наоборот, отказа в его возбуждении. Такое за-

ключение специалиста-психолога в представлении следователей, а также ряда работников прокуратуры должно дать ответ на вопрос о том, является ли малолетний потерпевший «надежным» источником информации о криминальном событии. При этом привлечение психолога на стадии проверки сообщения о преступлении должно служить целям защиты прав малолетнего (несовершеннолетнего) потерпевшего, и прежде всего минимизировать психологический вред как от случившегося преступного посягательства на ребенка, так и от психотравмирующей процедуры дознания.

Однако подобная практика не основана на нормах УПК РФ (ст. 58), не соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»), согласно которому «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

Кроме того, вынесение на разрешение специалисту-психологу, не имеющему подготовки в качестве судебного эксперта, по существу экспертных задач чревато серьезными научно-методическими и правовыми ошибками (подобные заключения/акты специалистов в подавляющем большинстве случаев не соответствуют требованиям, предъявляемым к заключениям судебной экспертизы, и изобилуют серьезными ошибками, а также отмечается выход за пределы научной компетенции, решение вопросов, являющихся прерогативой следователя). В свое время это привело к целому ряду резонансных дел, что нанесло серьезный ущерб практике использования специальных психологических знаний, особенно на доследственной стадии¹.

Следует отметить, что выходом из подобной ситуации стало внесение изменений в ст. 144 УПК РФ, в частности в ч. 1 данной статьи: «...При проверке сообщения о преступлении дознаватель,

¹ *Шукина Е.В., Ткаченко А.А., Шишков С.Н.* О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических экспертных учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ): информационное письмо. М.: ФГУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. С. 8.

орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок...» Однако это породило как минимум две проблемы.

Первая является юридической – инициатор экспертизы получает право «участвовать» в производстве экспертизы, не будучи специалистом, знания которого востребованы интересами проверки сообщения о преступлении. До этого УПК РФ наделял инициатора экспертизы (причем только следователя) правом «присутствия» при проведении экспертизы (ст. 197 УПК РФ). Иными словами, данная редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ не учитывает таких базовых принципов экспертной деятельности, как объективность, всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, а также независимость эксперта.

Вторая проблема относится к вопросам компетенции судебного эксперта-психолога. Коротко остановимся на судебной психологической экспертизе несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях. Главной задачей данной экспертизы является оказание помощи следствию и суду в решении вопроса о наличии/отсутствии беспомощного состояния у потерпевшего ребенка в юридически значимой ситуации. В связи с этим в компетенцию эксперта-психолога входит решение целого ряда задач.

Во-первых, выявление психологических особенностей (уровня психического развития, особенностей когнитивной и эмоционально-волевой сферы, устойчивых индивидуально-типологических и личностных свойств) потерпевшего лица, которые могли обусловить способность адекватно воспринимать имеющие значения для дела обстоятельства, способность понимать характер и значение действий обвиняемого, способность оказывать сопротивление им. Во-вторых, установление психического (эмоционального) состояния, в котором находилось подэкспертное лицо в юридически значимой ситуации. В-третьих, анализ юридически значимой ситуации (в которой произошло исследуемое событие). В-четвертых, экспертная оценка возможности понимания потерпевшим лицом характера и значения действий

посягателя и возможности оказания сопротивления им в юридически значимой ситуации¹.

Учитывая ретроспективный (реконструирующий) и по существу ситуационный характер СПЭ, решением этих экспертных задач устанавливается не только и не столько способность (потенциальная) понимания и оказания сопротивления, но возможность реализации этой способности (при наличии таковой) в зависимости от конкретной юридически значимой ситуации. Однако на стадии проверки сообщения о преступлении неизвестно, действительно ли имело место событие, о котором сообщается в заявлении, каковы обстоятельства его совершения; деянию не дана квалификация, под вопросом возбуждение уголовного дела. Соответственно, лицу, сообщившему о том, что оно стало объектом сексуального посягательства, не дан процессуальный статус потерпевшего. Поэтому объектом экспертного исследования на стадии проверки не может являться ситуация вероятного правонарушения, а без экспертного ее анализа не может решаться вопрос о том, мог ли ребенок адекватно (правильно) воспринимать обстоятельства именно криминального события, понимать характер и значение совершенных сексуальных действий и оказывать сопротивление.

Из этого следует, что установить, мог ли несовершеннолетний потерпевший адекватно воспринимать обстоятельства дела, понимать характер и значение действия обвиняемого, а также оказывать сопротивление, возможно только на стадии «зрелого» дела, когда имеется достаточно информации о событии преступления, обстоятельствах его совершения и, соответственно, когда ребенок процессуально признан потерпевшим. Предмет экспертизы должен соответствовать тем целям, которые ставит перед собой инициатор экспертизы, – на стадии проверки сообщения о преступлении это оценка ребенка в качестве «надежного источ-

¹ *Коньшева Л.П., Коченов М.М.* Использование следователем психологических познаний при расследовании дел об изнасиловании несовершеннолетних: метод. пособие. М., 1989. С. 56; *Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А., Терехин С.А., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.* Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних: метод. рекомендации. М.: ФГУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. С. 12–18; *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учеб. для акад. бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 205–218.

ника информации» о сексуальном посягательстве в отношении него.

Таким образом, в ходе экспертизы на основании изучения уровня и особенностей психического развития должна устанавливаться потенциальная способность ребенка адекватно (правильно) воспринимать явления и события объективной реальности, запоминать их и давать о них правильную (адекватную) информацию. Возможна постановка вопроса об индивидуально-психологических особенностях ребенка с целью получения его психологической характеристики. Что касается вопросов об отставании в психическом развитии, наличии/отсутствии повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию, не говоря о вопросах относительно способности/возможности адекватно воспринимать конкретную криминальную ситуацию, понимать характер и значение действий посягателя и оказывать им сопротивление, то они должны рассматриваться уже на стадии предварительного расследования.

При этом важно отметить, что психологическая экспертиза на стадии проверки заявления не подменяет собой психологическую экспертизу (однородную или комплексную психолого-психиатрическую) на стадии предварительного расследования с целью оценки «психологических признаков» беспомощного состояния, а также собственно возможности потерпевшего лица правильно (адекватно) воспринимать и запоминать юридически значимые обстоятельства дела и давать о них показания.

Однако назначению экспертиз, как правило, предшествует значительная работа следователя по установлению обстоятельств криминального события, юридически значимой информации о личности его участников, выявляемых в ходе следственных действий (допрос, проверка показаний на месте, очная ставка, следственный эксперимент и др.). Когда речь идет о малолетних или несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях, возникает проблема компетентности (психологической и процессуальной) участвующих в следственных действиях лиц.

Как показывает практика, следователи обнаруживают недостаточность знаний о психологических особенностях детей различного возраста, об эмоциональных состояниях и их влиянии на

психическую деятельность человека (в том числе с учетом его возраста).

Это выражается в том, что допрос организуется без учета необходимости создания благоприятной психологической атмосферы, минимизирующей психотравмирующее воздействие следственных действий на ребенка, хотя проблеме психотравматизации потерпевшего в посткриминальный период посвящено немало исследований¹. Несмотря на то, что во многих регионах созданы специальные помещения для проведения допросов детей, с удобной для ребенка мебелью, игрушками, следователи редко используют эти условия. Парадоксально, но многие следователи не знакомы не только с современными работами по психологии и технологии допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса², но и с классическими работами, посвященными психологическим особенностям допроса несовершеннолетних³. В результате следователи нередко не умеют ставить вопросы, слушать и фиксировать ответы, что приводит к утрате значимой информации, сообщаемой допрашиваемым как вербально, так и невербально.

Еще одной проблемой является привлечение большого числа лиц для участия в следственном действии, что снижает возможность установления доверительного контакта с ребенком: например, помимо следователя, проводящего допрос, следователя-криминалиста, осуществляющего видеофиксацию происходящего, законного представителя малолетнего/несовершеннолетнего происходит «дублирование» специалистов – привлекают как психолога, так и педагога. С одной стороны, этим «как бы выполняют-

¹ Кроз М.А., Ратинова Н.А. Психология потерпевшего // Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 351–354.

² Васько Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. С. 282–303.; Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23–31; *Опрос* детей-жертв и свидетелей насилия: международные практики, стандарты и их реализация в Республике Беларусь: справ. пособие для специалистов / Ю.Н. Макейчик, О.В. Петрова, А.М. Маханько. Минск: Белпринт, 2011.

³ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 209–234; Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей // Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика: избр. тр. М.: Генезис, 2010. С. 226–263.

ся» требования УПК РФ, но целесообразность участия двух специалистов на практике, помимо присутствия еще одного человека, приводит как минимум к формальности их участия в следственном действии, но нередко – к несогласованности их действий в допросе, что дополнительно травмирует ребенка. Несогласованность действий специалистов связана с тем, что психолог и педагог имеют разные компетенции в силу полученного ими образования (исходя из образовательных стандартов), а также в связи с осуществлением ими различных профессиональных функций.

Указание в УПК РФ на привлечение педагога к допросу несовершеннолетнего отражает тот период общественного развития, когда психологии как специальности/профессии не существовало и профессиональным носителем прикладных психологических знаний являлся педагог. В настоящее время только в системе школьного образования работает большое количество психологов, которые занимают должности «педагогов-психологов», т.е. совмещают в себе две специальности, что позволяет привлекать, не дублируя, именно того специалиста, который необходим при проведении следственных действий с ребенком.

В то же время многие следователи не знают, как использовать потенциал специалиста-психолога при допросе ребенка: часто изначально отсутствует согласованная позиция следователя и специалиста о характере и объеме помощи психолога в установлении контакта; совместном формулировании перечня вопросов таким образом, чтобы были учтены возрастные и индивидуальные особенности ребенка, минимизировался риск причинения психотравмы и, кроме того, чтобы результаты допроса были достаточны для того, чтобы исключить или свести к минимуму повторные допросы.

Другой проблемой является практика привлечения к следственным действиям специалистов (психологов-педагогов), не имеющих подготовки к подобного рода работе, что нередко приводит к процессуальным нарушениям со стороны специалистов.

Наконец, немаловажной проблемой является неразработанность алгоритма системной структурированной оценки информации психологического характера о потерпевших, аналогичного тем, которые существуют, например, для оценки факторов риска

криминального поведения правонарушителя¹. Это приводит к тому, что при анализе информации о личности потерпевших, полученной из различных источников, дается неверная интерпретация их психологическим особенностям, мотивам и психическим состояниям в криминальной ситуации, вследствие чего возрастает опасность следственных ошибок.

Как видно из сказанного выше, существуют проблемы в получении и использовании психологических знаний при расследовании сексуальных преступлений в отношении детей и несовершеннолетних. В меньшей степени они выражены во взаимодействии между следствием и государственной экспертной системой в силу осуществления научно-методической координации их деятельности (в том числе в форме повышения квалификации следственных работников посредством кратковременных стажировок в экспертных учреждениях). В большей степени они проявляются в использовании специальных психологических знаний в рамках ст. 58, 425 УПК РФ, что требует разработки программ повышения квалификации (в том числе межведомственных) как следователей, прокуроров, так и привлекаемых к участию в следственных действиях специалистов-психологов.

¹ *Ткачев В.Н., Воронова Е.Л., Шипшин С.С.* Технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом и судебной защите прав несовершеннолетних в соответствии с ч. 4 ст. 29 и ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ: методические рекомендации / под науч. ред. В.Н. Ткачева. Ростов н/Д, 2009. С. 119–207.

Содержание

Винокуров А.Ю. Вступительное слово.....	3
Андрианов М.С. Психологические аспекты взаимодействия потерпевшего с участниками уголовного процесса.....	6
Бондаренко Т.А. Психологические особенности потерпевших от сексуального насилия.....	12
Борисов С.В. Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам экстремистской направленности	15
Дозорцева Е.Г. Психологические особенности малолетних потерпевших в уголовном процессе.....	27
Кроз М.В. Психологические проблемы поддержания прокурором государственного обвинения в суде.....	36
Михайлова И.Ю. Правовые и психологические особенности задержания и допроса несовершеннолетних.....	42
Ойдуп А.С. Социально-психологическое изучение «администраторов групп смерти» и особенности их допроса в качестве подозреваемых.....	48
Ратинова Н.А. Психология отрицания вины и самооправдания обвиняемого.....	53
Решетова Н.Ю. Психологические аспекты поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей.....	61
Сафуанов Ф.С. К проблеме специальных знаний эксперта-психолога.....	74
Ситковская О.Д. Психология свидетелей.....	81
Скабелина Л.А. Система психологических навыков адвоката.....	91
Чумаков Ю.Ю. Психология несовершеннолетнего потерпевшего и его допрос.....	96
Шипшин С.С. Использование психологических знаний при расследовании сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: проблемы и решения.....	102

Психологические особенности участников уголовного процесса

Сборник научных трудов

Подписано в печать 29.06.2018. Формат 60x90x16. Печ. л. 7
Тираж 200 экз. Заказ 20.

Университет прокуратуры Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15